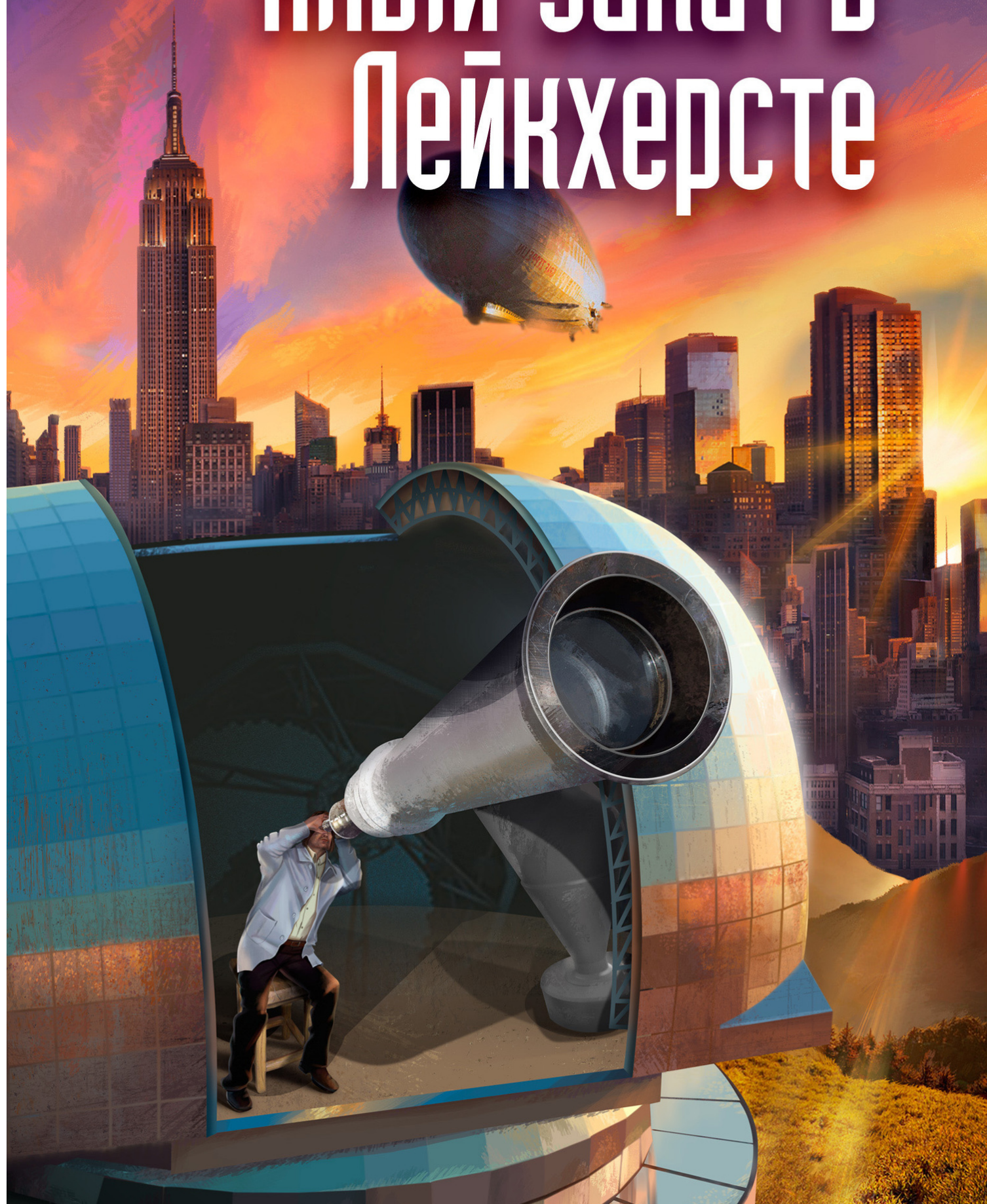

Зоя Карпова

Алый закат в Лейкхерсте

Зоя Карпова

Алый закат в Лейкхерсте

«Accent Graphics communications»

2019

Карпова З. М.

Алый закат в Лейкхерсте / З. М. Карпова — «Accent Graphics communications», 2019

ISBN 978-5-6040461-1-1

В сборнике представлены поджанры фантастики: НФ, альтернативная история, путешествия во времени, постапокалипсис, ЛитРПГ и фантастический вестерн. В рассказе «Великий администратор» колония землян обживает планету Дзетта. Внезапно прерывается тахионно-тунельная связь с родиной. Вождь племени прогов-и-компов Админ начинает расследование сразу в Четырёх Реальностях. Возможно ли, переписать «вчерашний день»? В истории есть «белые дыры». Однажды в Германии успешное дирижаблестроение терпит фиаско. Что тому виной: катастрофа «Гинденбурга»? Версий много, доказанной – ни одной. В рассказе «Алый закат в Лейкхерсте» тем ранним утром сотрудники Пулковской обсерватории под видом богатого дяди с племянником занимают места на борту цеппелина «Гинденбург». Природа любит парный танец. Человечество борется с глобальным потеплением; наступает ледниковый период. Герои из рассказа «Танго криолло со вкусом метели» пытаются выжить. Они ошибаются, набивают шишки, теряют и находят. Главное, их объединяет верность, любовь и дружба. Эти и много других приключений читатель всенепременно найдет в сборнике, стоит только открыть его.

ISBN 978-5-6040461-1-1

© Карпова З. М., 2019

© Accent Graphics
communications, 2019

Содержание

От автора	5
Летучий голландец	7
Дискотека брачных танцев	14
Красная шляпа интуиции	24
1	24
2	28
3	30
4	33
5	35
6	37
7	39
Московских улиц негасимый свет	40
Анархист – вождь индейцев	47
Вольный каменщик	56
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Зоя Карпова

Алый закат в Лейкхерсте

От автора

Дорогой читатель!

Я хочу поделиться с тобой маленьким секретом. Чтобы понять к какому художественно-литературному стилю и жанру более тяготеют сюжеты моих рассказов, мне пришлось испробовать перо в разных поджанрах фантастики. Наипростейший из них, как показалось в начале литературных опытов, – это элементарная или, если можно так выразиться, линейная Фантастика, где любые события и перипетии с героями происходят по факту без привлечения коварных вопросов и различных замечаний. Почему какая-то необыкновенность случается в рассказе вопреки здравому смыслу, если «так не бывает»?

Затем я окунулась в удивительный мир поджанра Научной Фантастики, которая позволяет расширить горизонты явлений, показываемых в сюжете. НФ все время побуждает автора попутно не только затрагивать причины и следствия, например, путешествий к дальним планетам Солнечной системы, но и прогнозировать технические возможности человечества в будущем. Рассказ «Дискотека брачных танцев» погружает в атмосферу Энцелада, спутника Сатурна. Сюжет не лишен интриги. Всемирно известная дискотека брачных танцев приглашает выбрать себе пару: «Добрый день, дорогие друзья! Вас приветствует Дин, ди-джей всемирно известной дискотеки брачных танцев. Прежде, чем мы стартуем танцевальное празднество, пусть каждый выберет мелодию, которую вы хотите услышать. Обратите внимание, в нашем музыкальном меню есть песни и мелодии всех времён и народов Галактики. Мы обязательно исполним все ваши заявки!» Пульхерия наугад выбирает «Случайный вальс». Арсений заказывает африканские ритмы. Дискотека начинается...

Получив некоторый опыт писательства рассказов в чистых поджанрах фантастики: научной фантастики, космической фантастики, путешествий во времени (так называемых «попаданцев»), а также в одно время модного постапокалипсиса, сюрреализма, киберпанка и ЛитРПГ, мне захотелось объединить фантастику с жанрами из реалистической прозы. Так родился рассказ «Танго криолло со вкусом метели», написанный на стыке жанров: НФ, постапокалипсиса, вестерна и любовного романа. О нем можно коротко сказать следующее. Природа любила и любит парный танец. Человечество боролось с глобальным потеплением, но настал Ледниковый период. «...Водитель самодельных аэросаней сбавляет газ, включает дворники, ругается. Порыв ветра от кси-поля ощутимо встряхивает аэросани, поднимает их над дорогой на пару метров и плавно опускает на обочину. Контур кси-волны можно различить только благодаря припорошенному снегу, налипшему на нечто массивное и сильное. Водитель понимает: «Разразилась инверсная буря, – очередное наваждение ледникового периода».

На вполне законных основаниях занял свою нишу в литературе поджанр юмористической фантастики. Так в рассказах «Миссия Тау Кита», «Спелые яблоки» и «Белое на черном» помимо других поджанров фантастики не обошлось без элементов юмора, сатиры и иронии. В рассказе «Спелые яблоки» мне захотелось обыграть интересную житейскую историю бабушки-писательницы из будущего глазами ее внучки.

«...Бабушка опять увлеклась очередной диетой и решила «наводить» талию, хотя её фигура оставалась безупречно женственной. Глядя со стороны, можно было подумать, что она готовится к новой роли в драматическом театре жизни. Трубка с домашним самосадом, казалось, курится сама по себе. Она кокетливо поправляет ажурную шляпку из соломки и томно вздыхает: «Ах, Иванка, ты никого не любила, понять не можешь сути сердечных страстей!»

В необычные и абсурдные ситуации попадают герои, так похожие на нас, дорогой читатель. Действуют ли законы микромира в макрокосме? «Конечно же, нет», – думали двое друзей, студенты Женька и Вовка из рассказа «Град Метаморфный». Особенно, если все игнорировать и делать вид, что ничего не знаешь. Друзья были молоды, бесшабашны, полны сил и боевого задора. Но... незнание законов природы никого не освобождает от ответственности. Не лишена авантюризма и героиня из рассказа «Я, он и сумасшедший в лифте», в котором описаны приключения очаровательной беспризорницы Шерш в XXIV веке.

Всеми любимая мистика соседствует рядом с фантастикой в романтической истории в рассказе: «Та, что прошла мимо», где главному герою астролог советует: «Найди свою Тень!». В сказочно-снежном крае в рассказе «Заполярье» мифология витиеватым узором опутывает фабулу и диктует сюжет. В тот день, прямо на глазах двух приятелей школьного возраста, разыгрывается настоящая снежная буря. Временами она завывает как старый полярный волк-одиночка, иной раз издает такие утробные звуки, что бабушка моего приятеля старая Йесеньга предостерегает не выходить на улицу, дескать, это сама Кали-Юга вышла на охоту и не успокоится до тех пор, пока не получит долгожданную добычу. Мальчишки ей, конечно, не верят, но жалуются друг дружке, что мороз бежит по спине, и внезапно им становится очень страшно...

Автор не мог пройти мимо киберпанка и ЛитРПГ. Колония землян в рассказе «Великий администратор» обживает планету Дзетта. Однажды прерывается тахионно-тунельная связь с родиной. Но почему? Во главе с любимым Админом племя прогов-и-компов ищет первопричину. Читатель тоже может узнать об этом, присоединившись к приключениям прогов-и-компов, происходящих в Четырёх Реальностях.

«Белые дыры» Истории оставили потомкам землян много загадок. Почему бы не попытаться их разгадать, не провести собственное расследование, хотя бы и через века? Пытливому уму и любознательному читателю посвящаются рассказы о Древнем Египте: «Под созвездием Льва», «Вольный каменщик» и «Последние жрецы Храма Науки». До нас дошли древние папирусы и глиняные таблички, написанные клинописью или иероглифическим письмом. Что хотели сказать древние египтяне отдаленным потомкам? О тех, кто после утраты Александрийской библиотеки старался из глубины веков передать уникальные знания будущей цивилизации, этот последний рассказ.

«Белые дыры» Истории на этом не кончаются. Рассказ «Алый закат в Лейкхерсте» не обходит вниманием катастрофу воздушного «Титаника» – цеппелина «Гинденбург», совершавшего в 30-х годах трансатлантический рейс из Германии в США. Но наши люди из СССР, сотрудники Пулковской обсерватории, как и положено, оказываются в нужное время в нужном месте. С кораблями и героями, затерянными во времени, можно познакомиться в рассказе «Летучий голландец». Романтическая история двух влюбленных сердец, плывущих к мысу Доброй Надежды на фрегате «Мари Роз», не оставит никого равнодушным. И завершает сборник педагогическая сказка «Тридесятый экзамен» на извечную тему невыученных уроков.

В качестве примечания могу сказать, что используемые цитаты, сопровождаются ссылками на источники и авторов. А там, где необходимо, прилагается словарь терминов.

Дорогой друг, от всей души желаю тебе полноценного отдыха от забот, приятного чтения и хорошего настроения!

С уважением, Автор

Летучий голландец

Он подкрался к ней сзади и внезапно налетел, словно ураган, а потом схватил порывисто и страстно, нырнул под белую податливую ткань, бесстыдно лаская обнажённое тело. Она застонала под натиском его чувств и отдалась на волю стихии. Он рычал и молил о пощаде, она рыдала и смеялась в его объятиях. Наконец, он сделал глубокий вдох-выдох и ещё один лёгкий выдох, тогда её белые одеяния судорожно затрепетали и выгнулись пузатой буквой «D». Ветер, грот-мачта и тугие паруса слились в полном экстазе, и произошло чудо – фрегат почувствовал прилив сил и весело лёг на курс к мысу Доброй Надежды.

Из каюты второго класса на палубу вышла молодая особа. Худошавая, выше среднего роста, аккуратно причёсанная и с подчеркнuto хорошими манерами, Лили Гретхен производила на окружающих приятное впечатление. Спокойное и почти величественное достоинство говорило о натуре благородной и набожной, столько одухотворенности и чистоты было в больших серо-голубых глазах Лили. Рыжие веснушки, едва заметные на овальном мраморно-бледном лице, особенно в пасмурную погоду, ничуть не портили её, но придавали, скорее, живости и национального немецкого колорита. Высокий лоб, обрамлённый выщипавшимися медно-рыжими волосами, греческий прямой носик и дугообразные негустые брови вкупе с поджатыми губами придавали её образу очарование богини Фемиды – строгой, но справедливой. Конечно же, пассажиры уважаемого возраста и семейные пары понимали: двадцатидвухлетней девушке, которая все ещё смотрит на мир непосредственно и с детским любопытством, давно пора бы выйти замуж.

Лили Гретхен подошла к бортику качающегося на пятибалльных волнах судна и, перегнувшись через перила, отправила за борт содержимое желудка. Спазмы душили Лили недолго, ибо она с утра практически ничего не ела, только пила тёплую воду с лимонной кислотой. Девушка выпрямилась и полной грудью вдохнула солёный морской воздух. «Инфлюэнца и морская качка в придачу, что может быть хуже такого сочетания?» – подумалось ей. Затем она вытерла рот платком, нащупала в кармане широкой юбки конфетку и, развернув фантик, сунула малиновый леденец за щеку. Через несколько мгновений, почувствовав облегчение, Лили опустила в добротнo прикреплённое к палубе плетёное кресло, закинув ногу за ногу, и расслабилась. Шторм затихал, болтанка судна улеглась.

У неё было мерзкое настроение и такое же гадкое ощущение от того, что болело горло, ныли уши. Мучивший ночью сильный жар спал, однако утром опять поднялась температура, невысокая, но противная субфебрильная. Корабельный врач измерял теплоту тела Лили странным термоскопом времён Фердинанда II, похожим на маленького лягушонка. Он считал подъём температуры положительным признаком сравнительно хорошего иммунитета. Якобы таким образом организм активно боролся с контагиями, вызвавшими эту инфлюэнцу. Но Лили могла согласиться с этим лишь отчасти, рассуждая иначе: «Если бы иммунитет действительно был «хорошим», то я не заболела бы вовсе. Доктор, наверное, думает, что, изъясняясь медицинскими словечками, он скорее вылечит пациента? Да за время болезни раньше я преуспею в латыни». Гнев, всё сильнее нарастающий изнутри с каждым приступом, ослабил железную хватку, разжав острые когти, и жертва обессилена отдалась посильному занятию – созерцанию зрелища за бортом фрегата.

* * *

Куда ни кинь взгляд, простирался морской пейзаж, налево, направо и кругом – вода, сплошь тёмная, серо-зелёная вода – ни намёка на дикие и необитаемые острова или скалы,

торчащие острыми кинжалами из воды, ни полоски земли на горизонте, ни даже проплывающего мимо корабля. Лениво парящие чайки изредка взмахивали длинными крылами, да белёсые буруны резво выбегали из-под рассекающей волны носа судна. «Откуда здесь взялись чайки? Прибрежные птицы могут сюда долететь лишь с ближайшего клочка земли», – рассудила девушка. – «Может быть, они именно с тех рифов, которые – как сказал доктор, отвлекая меня от процедур, – мы обогнули ночью?»

Мелодия морской пучины сводилась лишь к внешним надводным звукам: «Крак-крак, тук-тук-тук» и многочисленным повторам этой дежурной гаммы. Иногда ритм сбивался, в общую симфонию проникала лёгкая диссонансирующая синкопа, вносящая некоторое оживление в однообразное шумовое оформление. Дрожало ознобом раннее утро, и многие пассажиры ещё грелись под одеялами в каютах, догоняя ночные сновидения. На палубе, не считая вахтенных матросов, кроме Лили Гретхен никого не было. Девушка поправила на плечах плед, зябко поёжилась – утренняя сырость донимала особенно. «Одна радость – днём будет теплее», – подумалось ей. Она прикрыла глаза и стала мысленно сочинять мелодию, комбинируя морские ноты и шумы в разной тональности и длительности. Когда произведение родится целиком, то музыка сама легко и непринуждённо ляжет на бумагу.

* * *

На горизонте показался большой двенадцатиэтажный дом. «Наверное, это опять галлюцинация, плод моего воспалённого воображения вследствие высокой температуры, – проплыла ленивая мысль в голове. – Если бы к трубам на крыше добавить паруса или вёсла, то получился бы корабль». Девушка прикрыла глаза и стала фантазировать.

Тем временем океанский лайнер – двенадцатипалубный корабль с четырёх трубах – выпустил из труб дымы и протяжно загудел, ходко направляясь к фрегату. Страх не было, девушка плыла на хорошо укрепленном корабле – фрегате пятого ранга с двумя орудийными палубами, имеющими сорок четыре пушки. В случае опасности они могли надёжно защитить как груз, так и пассажиров. Красавец величественно выплывал из дрожащей дымки, размывающей четкость его контуров. То, что это большое и дорогостоящее судно, видно было даже без лорнета, невооружённым глазом. Впрочем, молодые глазки Лили до сих пор не требовали увеличительных линз. Девушка молчаливо следила за ним, продолжая сидеть на месте. Первая мысль, пришедшая в хорошенькую кучерявую головку, внушила ей ощущение нереальности или миража – слишком долго в их путешествии не случалось никаких встреч. Вторая мысль заставила девушку подняться с кресла и подойти к борту. Лили согнула ладошку козырьком, закрываясь от излишних лучей восходящего солнца.

– Положим, это корабль, но как он движется без парусов? – сказала она негромко, и улыбка надежды появилась на её грустном доселе лице. Лили не слишком-то разбиралась в типах кораблей, но кое-что припомнила из рассказов дядюшки, кузена матери, старого морского волка в отставке, частенько бывающего у них в доме. – Даже если добавить парусов, то на каракку всё равно это судно не будет похоже. У галеона может быть от двух до семи палуб, а здесь их двенадцать. Неужели это мифический призрак – De Vliegende Hollander?

– Фата-моргана, честное слово! – воскликнул подошедший молодой человек, пассажир каюты первого класса, показывая перчаткой прямо по курсу. – Гутен морген, фройляйн Гретхен!

– Гутен морген и вам, герр...

– Эммануил Зингер, я племянник и ассистент нашего корабельного врача. Будем знакомы, фройляйн. Я вижу, морская болезнь отступает, вам уже лучше?

– О да, благодарю, герр Зингер. Леденцы и микстуры, кажется, пошли мне на пользу, – девушка вежливо наклонила голову.

– Вы видели? – спросил он возбуждённо. – Я много читал об этом природном явлении, а своими глазами вижу впервые. Хотелось бы запечатлеть.

Он открыл альбом и принялся делать быстрый набросок карандашом.

– Фата-моргана... – тихо повторила Лили. – До сих пор и мне не приходилось встречаться с этим. Красиво и немного страшно.

Кроме них на корабле немецкий язык знал только доктор. Остальные пассажиры и члены экипажа говорили по-испански, по-французски и по-голландски. Молодая пара перешла на французский язык и попыталась найти свободное местечко ближе к носовой части судна:

– Пардон, мадам. Эскузе муа, месье.

Но толпа людей плотно сомкнула ряды вдоль обоих бортов, силясь разглядеть чудо.

– Эй, там, на марсе, заснул что ли? Якорь тебе в бушприт! Скормлю акулам, – зычно крикнул старший помощник капитана, сложив руки рупором.

Вперёдсмотрящий проснулся и округлил и без того круглые рыбы глаза. Такого он ещё никогда не видел, однако быстро сориентировался, глядя, куда указывает бушприт:

– Тысяча чертей! Эй, на палубе! Слева по курсу вижу дом – вылитый корабль, но без парусов! Идет на нас.

– Корабль, глядите, корабль! – обрадованно подхватили последнее услышанное слово и другие пассажиры, «жаворонки», вышедшие ранним утром проветриться перед завтраком.

На палубу вышел капитан, сощурился и приложил подзорную трубу сначала к правому глазу, затем к левому. Лицо его помрачнело, он почесал бороду, вынул изо рта трубку, пожевал усы и авторитетно заявил:

– De Vliegende Hollander. Определённо. Поздравляю вас, господа пассажиры, молитесь! Это летучий голландец!

– Летучий голландец, смотрите, смотрите! – подхватил хор голосов. В ажитации никто из них и не вспомнил, что встреча с кораблём-призраком – плохая примета.

– Тьфу, сухопутные крысы, триста акул им в задницу! – пробурчал боцман, уважительно здороваясь с капитаном. – Доброго здравия, господин капитан!

– Рад увидеть твою рожу снова! – ответил капитан. Он протянул подзорную трубу боцману. – На, посмотри-ка сам. Ну как находишь, увернёмся?

– Тысяча чертей! Карр-рамба! Надо лечь на правый галс, вы как считаете, кэп?

Подошёл старший помощник:

– Господин капитан, идём фордевинд. Какие будут приказания?

– Да как обычно, расходимся правыми бортами. Моряки, они и на летучем голландце – моряки. Убрать людей со штирборта!

– Очисти штирборт! Пассажирам перейти на бакборт, – гаркнул старпом в рупор. – Лево руля! Правый галс! Держать бакштаг!

Фрегат «Мари Роз», вышедший со стапелей в судоверфи Портсмута и выкупленный некогда самим капитаном, господином Пьером Лавальери, на торгах в Лондоне, подняв флаг французской короны, нехотя развернулся и уступил дорогу кораблю-монстру, затерявшемуся во времени. Пассажиры, соскучившиеся по свежим впечатлениям, оживлённо размахивали фетровыми шляпами, чепчиками, фонтанжами, недавно вышедшими из моды благодаря заботам Людовика XIV, руками и платками так отчаянно, словно с такого расстояния могли запросто поболтать с пассажирами горделивого красавца. Людей на палубе прибывало и прибывало, проснувшиеся от криков лежебоки высыпали из тёплых и насиженных кают – всех привлекло новое развлечение. Миф о летучем голландце никого не пугал, наоборот – будоражил и пьянил кровь.

* * *

Корабль-призрак приближался. У людей, наблюдавших за многопалубной машиной, дух захватывало от удивления.

– Господин капитан, разрази меня гром, но там есть сокровища, – вкрадчиво шептал на ухо боцман. – На всех хватит. Пристанем на часок-другой? До ночи ещё далеко, пока зажгутся огни святого Эльма, успеем уйти далече. Господин капитан, прикажите отдать швартовы.

– Ты, боцман, просто мурена в штанах! Триста акул тебе в задницу! Пиранья ненасытная! Хочешь поднять Весёлого Роджера? Эх, кальмар лысый, уговорил, зови старпома и старших офицеров.

Командный состав фрегата совещался недолго, прежде чем раздался приказ:

– На абордаж!

Суда поравнялись. Абордажная «кошка» полетела на чужой борт и зацепилась. Летучий голландец замер. На борту его красовалась надпись: «Black Star».

– «Чёрная звезда»? – в ужасе прошептала Лили Гретхен, прикрыв рот платочком.

Эхом прокатился по палубе ропот пассажиров, повторив на разные лады имя дьявольского судна. Однако это обстоятельство лишь добавило жару в топку человеческого любопытства. Фрегат убрал паруса. Верхняя палуба чужака терялась где-то вверху, нижние же палубы оказались в пределах досягаемости для штурмовых трапов и веревочных лестниц. Абордажная команда знала свое дело, вскоре экипаж и пассажиры, как один, кинулись на борт корабля-призрака.

* * *

Люди разбрелись по палубам, открытым каютам и складам. Боцман немедленно отправился изучать хозяйственную часть, трюмы и складские помещения. Капитана интересовало всё – от капитанской рубки до механизмов управления. Лили Гретхен и Эммануил Зингер поднялись на верхнюю палубу и зашли в первую попавшуюся каюту. Это были двухкомнатные апартаменты класса люкс. Мягкая кожаная мебель – диваны, кресла, письменные и чайные столики, шкафы для посуды и гардеробы для одежды выглядели так, словно их доставили из магазина лишь вчера. С потолка свисала хрустальная люстра, на стенах располагались светильники. Эммануил удивлялся: «Не понятно, каким образом здесь зажигался огонь, если газовых рожков в них нет?»

Молодые люди сильно испугались, когда в зеркальной ванной свет зажгётся сам собой, едва они ступили на порог. Вид золочёных раковин и мягких ковров свидетельствовал о роскоши бывших хозяев каюты. Эммануил увидел стакан в раковине под трубкой. Но лишь тронул его, полилась холодная вода. Он понюхал и попробовал: «Чистая вода, Лили, хотите?» Надушенные полотенца и махровые халаты манили принять ванну. «О, да, здесь и горячая вода есть! – удивился молодой человек. – Как будущий доктор я прописываю вам горячую ванну, Лили, и изнуряющая инфлюэнца отступит. Не стесняйтесь, я отвернусь или даже выйду в залу». Девушка послушалась совета и вскоре, согревшись, перестала кашлять. Когда она вышла, закутавшись в махровый халат, Эммануил предложил ей красное вино «Барон де Рю», которое он нашел в белом шкафчике. Он даже рискнул его испробовать и пригубил не один бокал, пока Лили купалась. Оставалась неизученной лишь одна комната – спальня, она поразила их широкой кроватью и белоснежным шёлковым постельным бельем, чего они давно не видели, находясь в долгом плавании.

– Лили, я давно хотел вам сказать, вы прекрасны как королева, – начал взволнованно говорить Эммануил.

Но девушка приложила палец к его губам:

– Тсс. Ни слова, умоляю вас.

Внезапная искра родившихся желаний вмиг разгорелась в пожар, охвативший их и толкнувший навстречу друг к другу в жаркие и страстные объятия. Они растаяли в жгучем пламени весны, воспарили куда-то ввысь и затем растворились в заоблачных высях неизведанного ими до сих пор лабиринта любви. Главным бриллиантом, который они обрели на «Чёрной звезде», стало взаимное чувство любви. Влюблённые забыли о времени, о фрегате и о том, где они находятся. Эммануил сбивчиво читал стихи, гладил вьющиеся золотистые волосы Лили и слушал учащенное биение сердца любимой. «Вот я и нашёл, наконец-то, свою вторую половинку», – мысленно радовался молодой человек. Мерная качка, едва ощутимая на этом большом судне, убаюкала их.

Они проснулись внезапно, когда услышали, как бьёт колокол на фрегате, призывая на борт отстающих пассажиров. Помогая друг другу одеться, застегнуться и зашнуроваться, молодые люди кинулись из спальни. По пути Эммануил прихватил с письменного стола толстую тетрадь, надеясь развлечься чтением биографии и наблюдений бывшего хозяина каюты.

* * *

Вечерело, видимость ухудшалась, фрегат торопился убраться восвояси. Команда и счастливые пассажиры с узлами награбленного барахла сидели на палубе и рассматривали добро. Никто из них не знал назначения необычных предметов, но люди из будущего, конечно же, признали бы в них мобильные телефоны, ноутбуки, смартфоны, кофе-машины, электронные часы и фонарики, лазерные указки, ридеры и прочие неперенные атрибуты атомного, компьютерного и технологического века. На летучем голландце зажглись огни святого Эльма, все двенадцать палуб сверкали разноцветьем небесного огня. Пассажиры с благостным выражением лиц смотрели вслед удаляющейся «Чёрной звезде».

– Внимание, господа! В моих руках вахтенный журнал из капитанской рубки корабля-призрака, – сказал капитан. – Этот корабль, круизный лайнер, созданный для кругосветного плавания, водоизмещением сто девяносто тысяч тонн, будет создан через четыреста лет, в двадцать первом веке на верфях в Ньюкасле. Один бог знает, какими силами он потерпит бедствие и станет Летучим голландцем, болтаясь по морям и волнам без руля и ветрил, не зная порта прибытия ни в прошлом, ни в будущем! Помолитесь о его судьбе!

Пристыженные пассажиры и команда сложили руки в молитвенной позе.

– Спаси и сохрани, Господи, всех путешествующих в морях и океанах!

Капитан перекрестился, взял рупор:

– Мон Дье! Шевелитесь, бездельники, тысяча акул! Лево руля! Правый галс! Держать бакштаг!

* * *

Эммануил Зингер и Лили Гретхен с благоговейным интересом читали записи в тетради с «Чёрной звезды». Незвестный автор писал:

«Я, Питер Брэм, всегда с трепетом и опасением относился к исчезнувшим кораблям, ставшим впоследствии так называемыми летучими голландцами. Поэтому, отправляясь в путешествие, составил свой список загадочно пропавших судов...»

Молодой человек перевернул страницу.

«Март 1918 года. Исчез военный корабль Соединённых Штатов Америки «Циклон», груженный под завязку марганцевой рудой. Строители корабля считали, что потерпеть крушение он не мог, потому как был рассчитан на суровые шторма в Атлантике в любое время года.

17 июня 1984 года. Покинуло берега Бразилии и пропало без вести панамское торговое судно «Артик Кэрриер». Ни вещей с корабля, ни тел погибших, ни обломков не было найдено.

Октябрь 1979 года. Норвежское грузовое судно к западу от Кейптауна исчезло при полном штиле.

12 января 1982 года. Та же участь постигла панамский пароход «Ориент Трежерс» с грузом хрома на борту.

Март 1980 года. Британское торговое судно «Дербишир», названное в честь одноимённого графства, с грузоподъёмностью в сто семьдесят тысяч тонн вышло из американского порта Сент-Лоуренс и в порт назначения Кавасаки в Японию не пришло».

– Лили, смотри сюда, на эту страницу! – прошептал Эммануил и побелел как мел. Лили перечитала несколько раз скупые строки, прежде чем до неё дошёл их смысл:

«Ноябрь 1740 год. Фрегат «Мари Роз», направляющийся к мысу Доброй Надежды, в порт назначения не прибыл. Корабль пятого ранга был построен на судовой верфи Портсмута, имел сорок четыре орудия на борту, укомплектованную команду и сорок восемь пассажиров. Не менее загадочное событие произошло вчера, 5 декабря 2076 года. Наш круизный лайнер «Black Star» встретил древний корабль-призрак, им оказался исчезнувший почти четыре столетия назад фрегат «Мари Роз». На его борту не было ни единого пассажира, но кофе в чашках и макароны на камбузе были ещё горячими, словно их только что приготовили...»

– Тысяча чертей! – в сердцах воскликнул боцман, случайно подслушав их разговор. Он хлебнул ром из бутылки и покачнулся. – Триста акул мне в задницу, если это правда!

– Эммануил, ты хочешь сказать, что это не «Black Star», а «Мари Роз» – Летучий голландец? Я правильно понимаю? – девушка испуганно осмотрелась кругом.

– Да, дорогая, и мы с тобой плывем на корабле-призраке, пропавшем в том далёком ноябре 1740 года и вынырнувшем в декабре 2076 года. И я полагаю, что именно из-за какой-нибудь пятиминутной разницы во временах, по-разному текущих на борту «Black Star» и «Мари Роз», пассажиры ни одного из наших судов не увидели друг друга вживую.

– Тысяча чертей! – с сомнением в голосе повторил боцман и хлопнул себя по животу.

Тут он увидел друга, сдавшего вахту.

– Жан, хочешь согреться? Полбутылки рома осталось как раз. Пей, друг!

– Ну, так нельзя, братцы! Пойдём-ка, закусим чем-нибудь. Йохо-хо! – матрос сделал ещё несколько глотков и отдал бутылку хозяину.

Боцман сосредоточился, чтобы удержать равновесие на ногах, и, держась за поручень, выверенным движением пошарил в глубоких карманах штанов:

– Где мой сушёный кальмар? На-ашёл, однако. Держи, браток. Отменный закусон!

Затем боцман обернулся к молодым людям:

– Мадемуазель, месье, только тсс-с! О дневнике никому и ничего! Утро вечера мудренее. Летучий голландец скрылся в дымке, словно мираж, да был ли он? Ром его знает, – он качнулся, потряс бутылкой и обнял друга. – Мыс Доброй Надежды ждёт нас, как и прежде! И согласно заданному курсу мы туда идём. Споём, Жан?

И нестройными голосами старые морские волки затянули любимый мотив: «Йохо-хо, йохо-хо и бутылка рома!»

Дискотека брачных танцев

Брачное агентство «Семейство лилий» располагалось на сто тридцать девятом этаже новенького небоскреба на Энцеладе. Молодая женщина средней комплекции по имени Пульхерия вышла из скоростного лифта и направилась в офис 139-1001, где и была приёмная «лилий». Атмосфера здесь царил непринуждённая. Заявления принимали в порядке живой очереди, далее новеньких приглашали к психологу, чтобы подобрать клиенту подходящую пару. Мужчины направлялись в западное крыло брачного агентства. Женщины – в восточное. Пульхерия робко вошла в кабинет психолога. Её встретила понимающая улыбка специалиста.

– Зовите меня просто бабушка, если хотите – бабушка Арина, – сказала она, приглашая широким жестом клиентку присесть на диван.

Пульхерия осмотрелась. Кабинет напоминал нехитрую гостиную в глухой деревеньке на Земле. Посередине стоял скромный диван, накрытый шерстяным одеялом в красно-зелёную клетку. Домотканые полосатые дорожки лежали на полу перед ним. Рядом с диваном ютился низенький круглый столик, прикрытый дешёвой клеёнкой с нарисованными подсолнухами. Кипел самовар на столе, и белые чайные чашки в красный горошек ожидали гостей. Пышно цвела розовая герань в керамических горшочках на длинном подоконнике, зеленела традесканция, свешиваясь ниже уровня батарей, и уютно примостился деревянный ящик с рассадой помидоров. Сквозь гипюровые занавески с петушками просвечивало далекое солнце. Дерево фикуса в квадратной кадке в углу тянулось ввысь к трёхметровому потолку. С потолка свешивались три фонарика деревянной люстры. Обстановка благоприятствовала душевной беседе.

Хозяйка и гостя присели на диванчик. Душистый чай из чабреца и мяты успокаивал нервы и снимал неловкость, вызванную официозом.

– Расскажите о себе, дорогая Пульхерия. Кстати, как вас звали в детстве?

– Когда как Поля, иногда Уляша, Уля, кому как нравилось.

– Я буду вас называть Уля, и перейдем на «ты», договорились?

Пульхерия кивнула головой. Хозяйка продолжала:

– Тебе нравится наш чай? Все травы из оранжереи Энцелада. Правда, они ничем не отличаются от земных по вкусу? Бери мёд – собран пчелами с эспарцета и, конечно же, привезён с Земли.

– Очень вкусно. Спасибо.

Женщины некоторое время пили чай молча. Потом гостя начала рассказывать о себе, о непростых взаимоотношениях с родителями, братьями, сёстрами и другими многочисленными родственниками. Мать и отец постоянно работали. Дети их видели мельком, рано утром либо поздно вечером. Пульхерия была старшей дочкой в семье, поэтому большую часть забот о младших детях брала на себя, жалея мать. Выучилась девушка довольно поздно, всё что-то мешало в жизни. Получила профессию космического повара и завербовалась в экспедицию на Энцелад. Подруги давно «обдетились», а она до сих пор не замужем. Да, она хотела бы создать семью, но не знала, с чего начать и на каких мужчин стоит обращать внимание. Бабушка Арина сочувственно выслушала девушку.

– Понимаю, девонька, твои тревоги и опасения. Теперь и ты меня, старую, послушай. Я расскажу кое-что о современных мужчинах. Итак, начнём с главного. Какие бывают мужчины, ты знаешь?

Клиентка пожалала плечами, выражая полную неосведомлённость. Психолог продолжала.

– Прежде всего, характер или натура человека. Мужчины бывают «дикие», «совершенно дикие» и «домашние». Ты удивлена? Да-да. От природы большинство из них – «дикие», норовистые и неуправляемые, словно табун лошадей. Вспомним природное начало мустангов. Дикий скакун как пасётся сам по себе, так и дорогу выбирает, не глядя. Приручить его – дело

крайне непростое для женщины. Тут нужен опыт. Ого-го! Скажу по секрету, голубонька, тем не менее, самый «дикий-предикий» мужчина в глубине души мечтает «одомашниться».

– Бабушка Арина, а у меня нет никакого опыта в этом вопросе.

– Я тебя понимаю, Уля! Присматривайся! Редко, но среди холостых мужчин попадаются «домашние». Хотя они тоже любят порой «оторваться по полной программе», но не чаще, чем их «дикие» родственники.

– Что же мне делать?

– Голубушка, тебе поможет маска! Маскарад, яркий необычный наряд и брачный танец – твои друзья и помощники!

– Брачные танцы есть у павлинов, ну, не знаю, у страусов, что ли. Я ж не павлин.

– Вот потому-то и не замужем, милочка. Начнём с твоего внешнего вида. Пойдём-ка к зеркалу. Проведём эксперимент и посмотрим на тебя с точки зрения мужчины как потенциального супруга. Что в тебе выдающегося? Ответь сама, желательно честно.

Пульхерия попыталась мысленно влезть в шкуру неведомого ей мужчины и... ничего особенно соблазнительного не обнаружила в своей внешности.

– Бабушка Арина, ничего эдакого не вижу.

– Вот в чём твой диагноз безбрачия, – вынесла вердикт психолог. – Будем работать в этом направлении. Согласна?

Пульхерия обреченно опустила плечи.

– Заходи сюда, – хозяйка открыла дверь в соседнюю комнату, напичканную оборудованием. – Предлагаю психологический тренинг по изучению мужской психологии. Но сначала диагностируем твой психологический тип личности. Садись в это кресло. Так, пристёгиваем ремешки на запястьях, подсоединяем электроды. Надеваем шлем. Сейчас снимем мозговые потенциалы твоей электроэнцефалограммы...

В это же время в западном крыле агентства «Семейство лилий» молодой подтянутый мужчина приятной наружности сидел на приёме у другого психолога, дедушки Матвея.

– Расскажите о себе, Арсений Петрович. Вас в детстве звали Сеня? Чайку горяченького? Ну как, нравится? Все травы из местной оранжереи. Медок, гречишный, доставлен с Земли.

Арсений Петрович рассказывал, а дедушка Матвей слушал и записывал что-то в блокнот. Единственный ребёнок в семье военного инженера, служившего в космических войсках. Привык к тому, что все желания и капризы исполняются быстро и в полной мере. Желает иметь симпатичную, но заботливую и добрую хозяйку, не стремящуюся к карьере. Где же хорошую хозяйку найти? Девушки нынче – сплошные топ-модели, словно на подбор. На уме карьера, деньги, фетиш-мода и развлечения.

Психолог доброжелательно кивал головой.

– Понимаю, Сеня, такое беспокойство и опаску. Теперь и я тебе расскажу кое-что о современных женщинах. Начнём с главного. Какие бывают женщины, ты ведаешь?

Клиент неопределенно пожал плечами. Психолог продолжал.

– Преимущественно, дружок, женский характер и капризы – это ещё тот камень преткновения! По моему разумению, женщины подразделяются на «диких», «чрезвычайно диких» и «домашних». Удивляешься? Да-да. От природы большинство из них – «дикие кошки», неуправляемые и не дрессируемые. Вспомним природное начало кошачьей породы. Дикая пантера гуляет, где хочет и когда хочет. А весной ей такого хочется, чего и сама не знает. Секрет природы заключается в том, что даже самая «дикая» женщина в глубине души мечтает «одомашниться». Приручить её – задача чрезвычайно непростая для нынешнего мужчины. Здесь важен житейский опыт. Ого-го!

– Дедушка Матвей! Какой опыт? Я все будние дни торчу на работе, да и в выходные там же. Авралы, нестандартные ситуации и прочее из постели могут вытащить в любое время суток!

– Я тебя понимаю, Арсений! Присматривайся! Бывает, и среди незамужних женщин попадают «домашние».

– Как их угадать-то, «домашние» они или «дикие»?

– Друг мой, Сеня, я подскажу. Маска и маскарад, модный прикид и брачный танец – твои друзья и соратники!

– Брачные танцы бывают у павлинов. Я ж не павлин, – он обиделся.

– Потому и «холостякуешь», милок. Не обижайся, сие есть природа, биология. Прежде всего, дам интересуется внешний облик; идём-ка к зеркалу. Проведём небольшой эксперимент и посмотрим на тебя с точки зрения женщины как на потенциального супруга. Что видишь выдающегося? Ответь честно.

Арсений вообразил неотразимую прелестницу. Готова ли она упасть в его объятия? Сомнительно.

– Дедушка Матвей, результат что-то не обнадеживает, – клиент расстроился слегка.

– Диагноз безбрачия налицо, – вынес приговор психолог. – Будем работать в этом направлении. Хорошо?

Арсений сдвинул брови и задумался.

– Заходи сюда, – хозяин распахнул дверь в соседний кабинет, напичканный оборудованием. – Приступим к диагностике нервной системы, а после определения нужных параметров проведём специальный тренинг для понимания женской психологии. Садись в кресло. Пристёгиваем ремешки на запястьях, надеваем шлем, подсоединяем электроды. Снимаем потенциалы твоей электроэнцефалограммы...

Бабушка Арина взяла микрофон и зачитала зашифрованное послание диспетчеру брачного агентства:

– Из пункта «А» в пункт «Б» вышли навстречу два поезда. Зелёный и красный. Клиенты пятьдесят первый и сотый. Начинаю обратный отсчёт. Десять, девять... три, два, один. Пуск.

Два кружочка на дисплее компьютера сближались, когда они встретились, произошло ожидаемое событие. Брачная Программа заработала. Каждый клиент примерил на себя новый образ. Это была «психологическая маска» для поиска потенциально возможного супруга. Пульхерии и Арсению психологи вручили по билету на знаменитую дискотеку брачных танцев «Семейство лилий». «Психологические маски» позволяли им действовать согласно обстоятельствам.

– Добрый день, дорогие друзья! Вас приветствует Дин, ди-джей всемирно известной дискотеки брачных танцев. Прежде чем стартует танцевальное празднество, пусть каждый выберет мелодию, которую хочет услышать. Обратите внимание, в нашем музыкальном меню есть песни и мелодии всех времён и народов Галактики. Мы обязательно исполним все ваши заявки!

Пульхерия наугад выбрала «Случайный вальс». Арсений заказал африканские ритмы. Дискотека началась...

– Белый танец! Заказ номер пятьдесят один. «Случайный вальс»! Историческая справка: песня создана в 1943 году. Дамы приглашают кавалеров. Смелее!

Пульхерия огляделась. Рядом с танцевальным пятачком переминался с ноги на ногу хорошо одетый молодой мужчина интеллигентной внешности. Он показался ей достаточно робким и «домашним». Девушка расхрабрилась и пригласила его на танец. Музыка поплыла над залом.

*«Ночь коротка, спят облака,
И лежит у меня на ладони
Незнакомая ваша рука.
После тревог спит городок.*

*Я услышал мелодию вальса
И сюда заглянул на часок...»¹*

В музыкальном центре дискотеки сидела троица: бабушка Арина, дедушка Матвей и диджей. Они совещались.

– Психотипы этой парочки совпадают, – сказала Арина.

– Ещё как! – воскликнул Матвей. – Дин, давай, включай свой луч времени, пока они не разбежались.

Луч прожектора скользил по залу дискотеки и неожиданно замер над Пульхерией и Арсением. Танцплощадка исчезла. Ночь повисла над незнакомым городком. Безлюдная улица и сплошная кирпичная стена. Вой сирены воздушной тревоги усилился. Парочка стояла в свете прожекторов. Рёв двигателей заглушил их удивленные голоса. Какой-то самолёт заходил на бомбежку.

– Боже правый! Как в кинохронике! Мессер? – воскликнул Арсений.

– Чего? – Уля зажимала уши от гула.

– Мессершмитт-109, модификация «Густав». Точно, он – одномоторный поршневой истребитель-бомбардировщик. Я в детстве интересовался военной техникой. Мощность на форсаже – две тысячи лошадиных сил. В 1943 году было выпущено почти шесть с половиной тысяч таких «Густавов». Ну и ну! Мы как сюда попали?

– Да ты не стой как пень! Бегом в укрытие! Вон по стрелке на заборе «в бомбоубежище», – сориентировалась Уля; женское чутьё не подвело.

Они быстро добрались до ближайшего подвала. Девушка поправила одежду и обнаружила, что на ней форма сержанта медсанбата, а через плечо висит сумка с медикаментами. В нагрудном кармане – документы. Глянула на соседа. Комбинезон боевого летчика.

– Ты почему не в бою? – строго спросила она и удивилась. Её сознание застряло в двух временах.

– Я относил срочный пакет с донесением, тут рядом, на улице Яблонево́й, – ответил боец и добавил. – Ничего не понимаю. Мы были с тобой на танцах в будущем или у меня легкая контузия?

Мессер сбросил бомбу на территорию завода, близ которого они сидели в убежище. Раздался оглушительный взрыв. Осколками пробило брешь в стене.

– Эх, «ишачкам» в лобовую атаку надо идти. Где они учились, зеленя? Мы, Калининский фронт, и лётный полк с «ишаками» никогда не подводил! Наша сила в манёврах! Забыли, что ли? Тебя как зовут, сестра?

– Уляша, Уля можно, а тебя?

– Арсений, просто Сеня. Давай-ка, Уля, пробираться к своим! Минутку, по карте ориентируюсь. Ага. Нам туда, вдоль Заводской улицы и потом направо. Там, в далёком будущем, я бы не отказался с тобой вальс потанцевать.

– Контузия, точно! У меня тоже, наверное, – согласилась девушка.

Путь к своим осложнился разрушением соседнего дома. Пришлось обходить завалы кругом. Налёт «мессеров» продолжался почти полчаса. Они слышали, как где-то на окраине города что-то ухнуло, и затем всё стихло. Едкий дым, запах гари и облака пыли клубились в воздухе городских улиц. Уля нашарила в сумке медицинские марлевые маски. Одну надела сама, другую предложила попутчику. На площади Ленина они расстались. Арсений отправился в расположение лётного отряда, а Уля в госпиталь. Под утро над городом вновь завывала сирена воздушной тревоги.

¹ Песня «Случайный вальс». Музыка Фрадкина М., слова Долматовского Е., 1943 г.

На этот раз Арсений занял место в кабине любимого «ишачка» Ил-16, прозванного лётчиками люфтваффе «крысой». Пока он устраивался, в голове пронеслась и ушла мысль: «специализированные на бои с мессерами самолёты Як-9 – дело несколько отдалённого будущего». Программа «психологической маски» работала безупречно. Нынешний лётчик Арсений из 1943 года и его лётное звено усвоили две вещи: бои на виражах – лучшее «лекарство» против «Мессершмиттов», и оборонительный круг, как тактический приём, помогает отвлечь противника от главных ударных самолётов.

– От винта!

– Есть от винта!

Короткий разбег. Взлёт. Шасси убрать.

– Вижу пару «худых» гадюк! Кружат над нами и не атакуют. Ждать! Четверка сто девярых со стороны солнца заходит на пикирование! Внимание! Я понял. Двойка «худых» отвлекает нас на себя, а четвёрка разом нападает на наших штурмовиков. Сорвать атаку четверки!

Он резко крутанул штурвал и направил «ишачка» на четвёрку «мессеров». Завязался бой.

– Даю залп реактивными снарядами. «Мессеры» пошли ввысь на перестроение. Ребята, делаем «круг». – Самолётные винты образовали дисковую пилу. – Есть! Врёшь, не возьмёшь! – кричал в азарте Арсений.

В процессе боя его «ишачок» оказался в хвосте эскадрильи. «Мессеры» тут же ринулись на него. Сеня развернулся навстречу противнику, загораживаясь широким лбом самолёта. Ещё рывок! Залп! «Мессер» отчаянно отстреливался парой синхронных пулемётов. Загорелся бензобак «ишачка». Направив машину в лоб ближайшего «мессера», лётчик выпрыгнул с парашютом в рассветное облако. Правое плечо ожгло шальной пулей. Недюжинным усилием воли лётчик успел сфокусировать в точку эту пронзительную боль, чтобы успеть дёрнуть кольцо парашюта. Есть раскрытие! Рваные края облака сочувственно бежали навстречу и прятали в «брюхе» свою добычу. Предутренний туман поглотил его.

Медсёстры ползком пробирались между ранеными и кому могли оказывали помощь на месте. Молочно-белый плотный туман не только окутывал неприятной сыростью, но и защищал от вражеской прицельной пули. Впереди слева раздался стон. Уля подползла к бойцу. Осмотрела рану. Наложила жгут. Посмотрела в лицо бойца. Её ночной знакомый, Сеня. Девушка освободила лётчика от строп парашюта и с трудом перекатила на плащ-палатку.

– Срочно к врачу тебе, голубчик, надо бы, – прошептала она и потащила свою ношу по земле, изредка отдыхая.

– Уля, в операционную, быстро. Твой спасенный уже там.

– Иду-бегу, – скороговоркой сказала она, повязывая стерильную маску на ходу.

– Потерпи, милый! Рана на плече небольшая. Доктор сделал всё, что положено. Заживёт. Остальное – царапины. Давай, смажу йодом. Сеня, ты меня слышишь!

Арсений очнулся на больничной койке. На краю одеяла сидела знакомая медсестричка с тарелкой горячей каши.

– Уля? – узнал он и обрадовался. – Вот мы с вами, с... тобой и встретились. Судьба? Ничего, мы ещё повоюем. Правда?

– Давай, Сеня, обедать будем, а то каша простынет, – она взяла ложку и сочувственно улыбнулась. – Обязательно повоюем. Твоя задача сейчас: выздороветь и сил набраться.

Полуденное солнце заглянуло в палату госпиталя. Далёкая гармошка за окном развернула меха, и полилась ненавязчивая мелодия вальса:

*«Хоть я с вами почти не знаком,
И далёко отсюда мой дом,
Я как будто бы снова*

*Возле дома родного...
В этом зале пустом
Мы танцуем вдвоём,
Так скажите хоть слово,
Сам не знаю, о чём...»*

– Добрый вечер, дорогие друзья! Вас приветствует Дин, ди-джей всемирно известной дискотеки брачных танцев. Мы обязательно исполним все ваши заявки. Дискотека продолжается! Новенькие, присоединяйтесь! Старенькие, оставайтесь с нами!

Сознание прояснилось. Наваждение? Арсений не подал виду и поклонился даме:

– Приятно было познакомиться, хотите что-нибудь выпить?

– Благодарю. Может быть, коктейль. Голова немного кружится, – пожаловалась Уля.

– Ди-джей с вами! Заказ номер сто. Африканские ритмы джембе. Джембе – это западноафриканский барабан в форме кубка, на который натягивается мембрана из козьей кожи. Здорово, зажигательно и весело! Главное в танце – держать ритм!

– Уля, пошли, потанцуем, – предложил Арсений, отставляя бокал с коктейлем в сторону.

– Я не умею по-африкански, – она застеснялась.

– Расслабьтесь, сделайте упор на ноги и представьте, что вы сейчас высадились на Солнечный Берег, – посоветовал он, когда они вступили на танцпол.

– Куда их на этот раз? – деловито спросил ди-джей у психологов.

Жёлтый луч прожектора подполз к танцующей парочке и отсек их от мира. Вспышка света ослепила. Пришлось зажмуриться. Ощущение невесомости возникло на миг, и они воспарили над чем-то неведомым. Внезапно вернувшаяся тяжесть в теле и резкий шум в ушах заставили молодых людей открыть глаза. О-оо! Только не это!..

* * *

...незнакомое место. Солнце в зените. Безоблачное, пронзительно синее небо. Тяжёлый влажный воздух. Кругом заросли какой-то травы высотой около четырех метров с жёстким толстым стеблем фиолетового цвета. Девушка обследовала ближайшее растение. Стебель заканчивался пирамидальной полуметровой светло-жёлтой метелкой. Каждый колосок в метёлке окружён кольцом блестящих шелковистых волосков. Листья зелёные, крупные и широкие как у маиса, но гораздо длиннее.

– Ой! Если я не ошибаюсь, то это древовидное растение не маис, а сахарный тростник, причём гибридный, скорее всего, завезён из Индии и содержит много сахарозы. Поскольку он любит свет и влагу, то лучше всего растет в тропиках. Об этом нам в училище рассказывал смешной такой круглый преподаватель, «профессор по сахару».

– Интересные познания однако! В таком случае, смею предположить, что мы с вами находимся в тропической или субтропической части Африки, – сделал вывод её спутник. – Опять попали!?

Молодой человек оглядел спутницу. На девушке было голубое платье с узким лифом и двойной юбкой с каркасом, возможно, на китовом усе. Верхняя модестовая юбка и нижняя из фрипона драпировались мелкой складкой. Узкие, в три четверти рукава с кружевами и оборками по низу облегали красивой формы руки. В меру глубокое квадратное декольте позволяло мужскому воображению дорисовывать остальные формы.

Широкополая шляпка с кружевами, из-под которой спускались на спину три змеевидных локона, затеняла прямые солнечные лучи. На ногах – португальские туфли в стиле рококо.

Затем он посмотрел на себя. Казалось, совсем недавно мужчины носили жюстокор, но в обществе говорили, что он вышел из моды. И известный портной из Британии, наконец-то,

прислал новомодный камзол. Длинные рукава, узкие сверху, книзу расширялись. На шее застёгнут белый кружевной воротник. Штаны с разрезами сбоку, кюлоты, достигали колена. Общий вид костюма дополняли белые шёлковые чулки и башмаки с металлическими пряжками.

Психологическая программа включилась с небольшой задержкой. Пока пара дошла до края тростникового ряда, совершенно забыла прежние воспоминания. Вдалеке виднелась фазенда хозяина плантации. К ней вела прямая грунтовая дорога. На обочине в тени раскидистой акации стоял ландолет, запряжённый гнедой кобылой. Молодые люди направились туда. Немолодой негр, одетый по-европейски, дремал, привалившись спиной к колесу. Когда они приблизились, он подскочил, как будто и не спал вовсе.

– Я ждал вас, мистер Арси и мисс Шери, – слуга снял шляпу и поклонился обоим. – Хотите домой?

– Да, поехали, Том, – приказал молодой хозяин, помогая спутнице сесть в повозку. – Ох, и жара сегодня! Голова совсем не варит.

– «Голова не варит»? – повторил негр и усмехнулся. – Впервые слышу такое. Новенькие словечки из Америки опять привезли.

Молодой человек скинул камзол и небрежно кинул его на спинку сиденья, затем расстегнул жабо. Едва они выехали из тени дерева, как внезапные лёгкие сумерки накрыли их. Люди посмотрели на небо. Солнечное кольцеобразное затмение наполнило на диск светила. Кроваво-красное солнце привело слугу в состояние, близкое к помешательству. Кучер остановил повозку, слез с неё и упал на колени, бормоча что-то на родном языке зулу.

– Какое сегодня число? – спросил молодой человек у девушки.

– 11 июня 1695 года, мистер Арси, – ответила она испуганно. – Что это?

– Ничего страшного, обыкновенное солнечное затмение.

– Мистер Арси, солнце в пасти крокодила есть плохо. Наша богиня предостерегает от опасностей, – Том поднял голову.

– Садись же на место, я хочу домой, обедать пора! – нетерпеливо сказал хозяин.

– Конечно, мистер, – ответил кучер, непрерывно кланяясь и продолжая шептать охранительные заклинания.

Из зарослей сахарного тростника послышался грозный рык. Кобыла наострила уши, шарахнулась, громко фыркая. Кучер сильно стегнул её по хребту, и она понеслась к дому.

– Арси, вы слышали рёв? Лев, да? – крикнула спутница ему в ухо.

Мужчина уже заряжал ружьё и обернулся назад, вглядываясь в шевелящиеся заросли. Повозка подъезжала к распахнутым настежь воротам, которые чёрные слуги быстро захлопнули, как только они въехали во двор. Истоиво лаяли собаки. Охранники встали под ружьё, выглядывая между чугунными решетками. За забором где-то вдалеке послышался рык, потом другой – басовитый, и всё смолкло. Солнце вышло из тени и вновь засияло во всю мощь.

– Пожалуй, там резвится по крайней мере пара львов, – сказал Арси подошедшему командиру охранников. – Разберитесь!

– У них брачный сезон, наверное. Слушаюсь, сэр, – взял под козырек тот, развернулся кругом и направился к отряду.

Бледная Шери с круглыми глазами сошла с повозки и благодарила за спасение то Арси, то Тома, наконец, нашла достойное к себе внимание со стороны животного. Она погладила морду кобылы и достала из малюсенькой сумочки кусочек сахара.

– На-ка сахарок, дорогуша. Ты ж моя умница, – почувствовав незначительное недомогание, девушка быстро прошла в дом.

Белый дом с колоннами, выстроенный в капско-голландском стиле, живописно вписывался в местный ландшафт. Он имел крытую веранду, возведённую вдоль периметра. Красная

черепица покрывала витиевато изогнутую крышу. Двор украшал цветник с розами и кустарниками магнолии.

Ужин прошел в довольно оживлённой обстановке. К беседе присоединился толстый и грузный мистер Рикки, дядя Арси. Мистер Рикки владел всем этим богатым домохозяйством и обширными плантациями сахарного тростника. Соседи сплетничали, что он не брезговал приторговывать рабами, отправляя их кораблями из Кейптауна в Южную и Северную Америку, Португалию и Испанию. Мисс Шери представили хозяину как добрую знакомую его племянника, приехавшую из Северной Америки в компании двоюродной тётушки, миссис Эйрин, навесить друга детства. Между тем, все присутствующие ожидали их скорой помолвки с молодым хозяином. После ужина хозяева и гости вышли во двор подышать свежим воздухом. Молодая парочка отправилась на задний двор, где негры устроили пляски. Рабыня поднесла им по кубку напитка для утоления жажды...

* * *

Проснулись молодые люди от ритмичных ударов барабана джембе. Они были привязаны к столбу, стоявшему рядом с большой хижинкой из сухой травы. Деревушка состояла примерно из десятка хижин. Жители сидели полукругом на корточках. В центре маленькой площади дикари в масках исполняли ритуальный танец. Арси вспомнил рассказы старой негритянки, прислуживающей в доме. Он шёпотом объяснял странный спектакль Шери.

– Танец масок призван укротить загадочную разрушительную энергию. Ею обладает любая неприкаянная душа. В масках таится сакральный смысл. Вон та, птица с синими и зелёно-красными перьями в крыльях, называется хагедаш. Она относится к семейству священных ибисов. Хагедаш символизирует связь между небом и землёй. Это главная маска. После неё идёт маска «дом предков». Маски являются колдовскими воротами. Души умерших проходят в них и оказываются в мире живых людей. Танец масок – это язык движений тела, на котором говорят духи.

– Что это означает для нас? – спросила Шери побелевшими губами.

– Точно не знаю, дорогая. Думаю, нужно спросить об этом их вождя.

– Ты же говорил, что хагедаш – самая важная птица.

– Самая важная маска.

Барабанный трёхдольный ритм убыстрился. Та-та-там, та-та-там. Маска, танцующая в середине, пришла в экстаз. Дикарь упал на землю и забился в конвульсиях. У него что-то спрашивала другая маска, указывающая рукой на пленников. «Птица хагедаш» заговорила утробным голосом. Пленники замерли, слушая громкий стук своих сердец. Затем толпа танцующих кинулась к столбу, окружила пленников и, выстроившись друг другу в затылок, побежала вокруг них сначала по часовой стрелке, а потом против. Танцоры потрясали копьями и громко кричали: «Ха-ге-даш, ха-ге-даш». Дикарь с маской птицы поднялся с земли и подошёл к молодым людям. Неказистый дедок переводил его речь на английский.

– Боги говорят, что вы пришли не из нашего мира. Откуда?

– Мы родом из Северной Америки, – заикаясь, промолвил Арси.

– Хагедаш говорит, вы из далёкого мира. Этот мир ещё не пришёл. Он будет завтра.

– Вы едите людей? – спросил пленник.

– Людей едят дикари, – гордо ответила главная маска. – Мы есть великая цивилизация. Мы принесём вас в дар Речной Богине. Богиня подарит нам дождь. – Переводчик усмехнулся.

Дикари отвязали их и повели к реке, кишасей крокодилами. Маленький плотик ждал пленников. Под ритмичные звуки джембе дикари копьями оттолкнули плот от берега. Течение подхватило его и понесло на юг. То здесь, то там из воды высывались зубастые пасти и громко клацали, прихватывая по кусочку от бревен. Маски бежали вдоль реки и торжеству-

юще улюлюкали. Река сделала крутой поворот, скорость движения плота увеличилась. Дикари и крокодилы отстали.

– Как будем выбираться отсюда? – спросила Шери.

– Вы плавать умеете? – поинтересовался Арси.

– Надеюсь, – сказала девушка.

– Другого выхода нет, милая. Вижу впереди ещё один поворот и небольшой затор из камней и упавших деревьев. Течение реки в том месте не такое быстрое, там мы и попытаемся выплыть на берег.

Он подвинулся к девушке и крепко поцеловал её.

– Мисс Шери, прошу вас стать моей женой, – с жаром произнёс молодой человек. – Вы согласны?

– Если нами не закусят крокодилы, мистер Арси, то я согласна быть вашей женой.

Поворот приближался. Они храбро прыгнули в воду. Плот прибил к общей куче затора, а беглецы, цепляясь за ветки деревьев, которые спускались вниз, карабкались как могли к берегу. Им повезло – песчаный берег был довольно пологим. Мокрые и продрогшие, они уселись на песок под густыми ветвями вечнозелёного раскидистого и могучего дерева ши. Кора дерева была шершавой и похожей на пробку. На ветвях, склонённых до земли, зрели маслянистые орехи.

В поле зрения появились дикари. К счастью для парочки, преследователи остались на другом берегу. Беглецы приникли к земле и не шевелились. Дикари на той стороне, пошумев, ушли обратно. В ветвях дерева ши, которое стало им прибежищем, раздавался сердитый клёкот. Они подняли головы и увидели виновника шума. Огромный орёл-скоморох камнем кинулся под ноги девушке и что-то схватил в траве. Когда он вновь взмыл вверх, в его когтях извивалась толстая узкоголовая змея. Скоморох сделал немислимый воздушный пируэт и скрылся в своём гнезде.

– Ой! – взвизгнула Шери от страха. – Смотри, Арси, змея. Ядовитая? Я на неё чуть не наступила.

– Орла-скомороха некоторые африканцы называют «небесной обезьяной», – облегчённо вздохнул Арси. – Он питается разными пресмыкающимися и мелкими грызунами. Поздравляю, дорогая. Тебе повезло, он был голодный и потому спас тебя. Зелёная ядовитая мамба будет ему шикарным обедом.

Спасённые поднялись с земли и побрели сквозь дремучий лес, слабо представляя, в какой стороне их дом. Из зарослей сутерландии, кустарников с тонкими прямыми стеблями и серозелёными пушистыми листьями, то и дело выбегали некрупные птицы, цесарки и фазаны. Шери не успевала их рассмотреть, как ни старалась. Птицы бежали быстро, иногда взмахивая крыльями.

– Цесарки плохо летают, но запросто убегут от неопытного охотника, – пояснил Арси.

– Они вкусные?

– Родственники домашних кур.

– Эх, сейчас бы кусочек зажаренной курочки, – мечтательно произнесла девушка.

– Я тоже не отказался бы, а пока держи банан, – молодой человек сорвал гроздь спелых бананов с лианы, опутавшей мохнатый ствол пальмы, к которой она прислонилась спиной.

К вечеру уставшие, измученные, голодные и злые скитальцы подошли к хлипкому подвесному «обезьяньему» мостику. Дождавшись сумерек, на свой страх и риск они перешли его и по тропинке вышли на пыльную дорогу к знакомой акации и зарослям сахарного тростника. Им навстречу ехала повозка. Гнедая кобыла радостно зафыркала, почуяв знакомый запах.

– Слава Богу, вы живы, мистер Арси и мисс Шери, – залопотал слуга Том. – С утра все на ногах и вас ищут. Слава всем богам!

После ужина на подворье вновь послышался ритм игры на джембе.

– О-оо! Нет, – разом воскликнули молодые люди и... очутились на танцполе.

* * *

– Добрый день, дорогие друзья! Вас приветствует Дин, ди-джей всемирно известной дискотеки брачных танцев. «Семейство лилий» предлагает желающим незамедлительно заключить брачный контракт. Здесь и сейчас юристы Земли и Энцелада к вашим услугам.

Арсений подошел к Пульхерии ближе и заговорщически подмигнул:

– Уля, кажется, крокодилы нас съесть не успели?..

Красная шляпа интуиции

1

Однажды ранним утром, закончив просмотр свежей корреспонденции, глава Медико-биологического Конструкторского Бюро Грин Грэмми включил радио.

«Футуры утратили навыки латерального мышления, а значит, закат цивилизации Земли не за горами. Тридцать девятый век станет последним, когда точка возврата в русло эволюции ещё возможна. Для благополучного развития расы футуров нужен истинный первотолчок. Поэтому правительство Футурляндии поставило перед народом задачу – очеловечить общество. Исполнительная служба спустила план работы специалистам по медицине и генетике. Надеюсь, очень скоро мы с вами, дорогие радиослушатели, узнаем продолжение этой истории...»

– Охо-хо! – вздохнул Грин Грэмми, пожилой квартерон, родившийся от смешанного брака футура с марсианкой, матушка которой была негритянкой.

Он тяжело опустился на банкетку возле распахнутого настежь окна и подставил солнцу побледневшую за ночь спину. Невооруженным глазом стало видно, как живительный фотосинтез стал наливать зелёным соком и теплом белое тело страдальца, оставшееся без энергии в митохондриях.

Из окна офиса открывался славный вид на город Авксом – столицу Футурляндии, занимающую одну шестую часть суши. Историческая часть старого города-кремля едва виднелась сквозь лёгкую утреннюю дымку где-то там на горизонте. Башенки со звёздами и курантами как и в прежние времена радовали глаз любого жителя столицы. Площадь Янсарк спряталась за древним собором православной церкви с одиннадцатью луковками куполов над девятью престолами, приделом и шатровой колокольней. Испокон веков Великий собор оставался символом Авксомы и входил в музейный комплекс столицы. Речные катера: быстрые метеоры, скоростные глиссеры и медлительные трамвайчики деловито сновали туда-сюда по одноименной реке Авксом, благо навигационный сезон открылся. Справа от торговых центров грелась в лучах солнца обширная зелёная зона с прудами, каскадными лестницами и многоярусными фонтанами, бьющими тугими струями из золоченых статуй наяд, фавнов, сатиров и греческих богов. А за парковыми дубовыми рощами, похожая на шарик цветка татарника, судорожно вцепившегося широкой аркадой колонн в грунт, устремилась к облакам вышка телевизионной и космической связи. Из любого района столицы её можно было увидеть, настолько она была высока. В пасмурную погоду верхний шпиль обнимали кучевые облака, принося лишние заботы инженерам из-за разрядов атмосферного электричества.

В районе же Сити-Авксом находились современные керамопластовые здания, имеющие вид белых и серебристых ракет, ожидающих старта к звёздам. Большие окна-иллюминаторы из голубого или зелёного свинцово-никелевого стекла отзеркаливали городскую жизнь, протекающую днем и ночью в деловом центре столицы. Здесь обосновалось большинство министерств и профильных академий, осуществляющих управление теми или иными сферами деятельности футуров, а также исследовательские институты, лаборатории и конструкторские бюро.

– Ред, ты слышал, что заявил дражайший премьер Мак Олдер? – спросил Грин Грэмми, оторвавшись от глубокомысленного созерцания столичной панорамы. – Завари-ка мне кофе по-бразильски, холодно что-то.

– Да, Грин. Проблемка ещё та! Я тоже ознакомился с утренней корреспонденцией и дважды прочитал эту директиву. Из чего делаю вывод: нужны люди с крепкой генетикой. А где их взять? – ответил Ред Кинг, его молодой секретарь, одетый в обтягивающие тренированное тело легинсы и блузон с глубоким декольте на спине.

Его информированность показала Грину удивительной. По утрам этот гламурный блондин с ультрамариновыми глазами обычно интересовался более маникюром, нежели конторскими бумагами. Впрочем, его секретарь всегда отличался непоследовательностью мышления. Вот и сейчас тот вновь погрузился в привычное занятие. «Да, премьер Мак Олдер прав, мы растеряли латеральность и умственно приближаемся к овощам», – отметил про себя Грин, считавшийся неплохим генетиком. Он ещё раз критическим взглядом окинул Реда. От усердия высунув язык, молодой футур сочувственно кивал шефу, увлеченно работая пилочкой и добиваясь того, чтобы каждый ноготь выглядел как лепесток ромашки. Повинуясь порыву, сегодня Ред Кинг решил алый лак заменить зелёным. Втайне надеясь, что Грину Грэмми будет приятно видеть, как он перебирает бумаги, сверкая зелёную молодую ливы на ногтях. Этот цвет гармонировал с именем начальника. Ред полюбовался результатами маникюрного дизайна и пошёл к кухонному столу. Шеф любил крепкий кофе из зёрен, пережёванных бразильскими обезьянами.

Грину же глубоко было наплевать на цвет маникюра Реда. Он силился вспомнить, чем футуры отличаются от людей. В относительно недалёком прошлом, однажды появившись на свет в результате экологических мутаций, некоторые *Homo sapiens* настолько проэволюционировали, что называть их обычными людьми стало невозможно. Так появились футуры. С точки зрения людей, внешне они выглядели красавцами и были само совершенство. Внутреннее отличие от *Homo sapiens* сказалось, прежде всего, на биохимии. Дальше – больше. В крови появился новый белок типа «С», что сразу же отдалило эту ветвь разумных от людей. Полностью исчезла латеральность – асимметрия тела. Все органы тела, кроме половых, стали парными, включая сердце, желудок, печень, селезёнку и шишковидную железу. Царь любого разума – механизм управления центральной нервной системой – тоже изменился. Мозг перестроился на иное соотношение белого и серого вещества. Каждое полушарие стало самостоятельным. Это сократило потребность футуров в длительном сне; полушария отдыхали по очереди. Все преимущества эволюции как бы налицо. По мнению Грина, возвращение к облику людей мало что хорошего могло дать футурам.

– Директива ещё не приказ, а лишь рекомендация подумать. Где мой кофе, Ред? – раздражённо спросил он. – Околел напрочь.

– Ещё тридцать секунд, Грин, и будет готов, – ответил секретарь. – Я тут подумал на досуге, что разделение полушарий, в конечном итоге, завело нас в политический тупик.

– Неужели? Аргументируй.

– Это несколько затрудняет проведение международных встреч, саммитов и переговоров. Зарубежные дипломаты сетуют: «Мы никогда не можем быть уверены в собеседнике из Футурляндии на все сто: спит он или бодрствует. Доходит ли до него информация в этой реальности или воспринимается в виде сновидений, кто знает?»

Грин Грэмми отошёл от окна и закутался в меховой плащ. На уровне их этажа завис почтовый дисколёт-робот, механический рукав присосался к почтовому ящику, сначала забрал выходную корреспонденцию, потом сжатой струёй вдул входную. Газеты, журналы, пакеты, бандероли и конверты веером высыпались из почтового ящика.

– В других странах тоже живут футуры, – пожал он плечами, поднимая с пола увесистый конверт со штемпелем Верхней палаты. – А вот и обещанный приказ.

– Однако иностранцы имеют целостный мозг, функции которого разделены. Поэтому другие народы либо спят, либо бодрствуют. Третьего не дано, – парировал Ред Кинг. – Что пишут?

– Вот-вот, в этом-то собака и зарыта, – Грин нервно подёргал за уголки пакета, но, заметив защитный штрих-код, бросил его на стол секретаря. – Вскрой, пожалуйста. Шерравксом, этих чинуш, бумажные крысы! Остаюсь при своём мнении: возвращение к облику человека ничего хорошего не может дать соотечественникам! Расы людей на планете давно уж и близко не сыскать. Какие и были когда-то, с незапамятных времён расселились по Галактике. Знаю, что их потомки должны быть где-то в Туманности Андромеды или вблизи Пояса Ориона, возможно даже в каждом зодиакальном созвездии, но связь с ними утрачена. Футуры живут сами по себе, люди – тоже. Болтаются же на кораблях-разведчиках по Млечному Пути без точных координат, в надежде обнаружить их следы, можно не одну тысячу лет, – в сердцах воскликнул Грин. – Полный бред! Шерравксом!!!

Ред подал шефу чашку кофе и пропустил пакет через декодер.

– Держи, Грин. Я знаю, что люди на Земле есть, конечно же, – в ответ на вопросительный взгляд Грина небрежным тоном добавил он. – Но... исключительно в прошлом. Чтобы найти новорожденного с хорошей наследственностью, нам нужен молодой футур (образец мужской красоты и совершенства). После непродолжительных тренировок и инструкций мы сможем его отправить, например, м-мм... в двадцать первый век с секретной миссией.

– А это интересно! – Грин пробежал глазами приказ. – Торопят! Как бы авантюрно ни звучала твоя идея, в ней что-то определенно есть рациональное и не глупое, – Грин поцокал языком. – В качестве «образца мужской красоты и совершенства» отправишься туда сам вместе с назначенным «Мессией». Пора и тебе, Ред Кинг, подумать о чём-то более важном, кроме маникюра. Ничего, месяц-другой я попою кофе, приготовленный кофемашиной! Сию же минуту начинай поиски нашего Мессира. Надеюсь, о необходимых качествах секретного агента ты слышан?

– Обижаете, Грин! Склонность к здоровому авантюризму и латеральность мышления, явленные не во сне, а наяву, – моя истинная натура.

– Какая латеральность!? Шерравксом! Мы давно об этом не слышали. Агента будешь вербовать там же, среди людей. Действуй, господин контролёр. Правда, есть у меня некоторое сомнение, выполняма ли для тебя эта Миссия, в принципе. Лучше ещё раз ознакомься с инструкцией по работе резидента на чужой территории.

Секретарь поднял глаза к потолку и покачал головой: «О, Боже»! Но отложил пилочку для ногтей и подошел к стеллажу с делами и инструкциями. Долго рылся там, наконец, подняв тучу архивной пыли, вытащил старую жёлто-серую и изрядно потёртую папку, завязанную хлопчатобумажными тесёмочками на бантик. Он уселся в кресло, открыл папку и прочитал:

«Поставьте себя на место если не человека из будущего, попавшего в прошлое, то хотя бы шпиона из другой страны. Вы хватаете необходимый вам «артефакт», как только нашли его, и убегаете от полицейских. Вы точно уверены, что убежите? Или сможете замести следы так, чтобы потом по следу к вам не пришли копы на дом? Гораздо удобнее использовать (хоть в тёмную, хоть нет) человека из этого же времени и этой же страны. В ваших интересах завербовать его. Агент заведомо лучше ориентируется в реалиях. Если он не успеет добежать к вам, похитив артефакт, то это его проблемы. А вы, как шпион, – в стороне. Если же сделает всё правильно, то далее вы со свежими силами выполняете свою часть задания.

Примечание: в качестве «артефакта» может выступить любой предмет, могущий помочь в выполнении Миссии футура во благо отечества Футурляндии»!

– Не извольте беспокоиться, Грин! Я хоть и выгляжу легкомысленным, однако работу биотехнолога знаю не хуже вас, – обиженным голосом сказал Ред Кинг и вскочил на ноги. –

Миссия выполнима! Там, где не пройдёт глупое применение силы, поможет хитрость, обман или интрига. Спорим на моё повышение до вашего заместителя?

– Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Спорим!

2

Бони Двард, привлекательный молодой человек с обаятельной улыбкой на круглом скуластом лице и лёгким бесовством в умных и чуть раскосых серых глазах, крутился у зеркала. Гибкая фигура ещё не потеряла тренированных форм, несмотря на редкие тренировки в спортзале, а пластичные движения оставались грациозными по-кошачьи. Сегодня он нашёл, наконец-то, способ уйти подальше от житейского клише поведения в обществе. Главное – найти правильный имидж, который поможет ему обрести латеральность мышления. Однажды прочитав о новомодном направлении в психологии, Бони захотел освоить его, ибо оно есть оружие, предназначенное для манипуляции людьми. Способ предлагал обратить свою слабость в силу. Почему бы и нет? У Бони была слабость – шляпы. А дорогие шляпы заставляли трепетать сердце, не терпящее отказов ни в маленьких радостях, ни в больших прихотях. В супермаркете он увидел целую коллекцию мужских шляп, выставленных известным кутюрье из Парижа, не удержался, купил пять. Итого, у него теперь есть шесть шляп – мечта каждого стилиста в двадцать первом веке.

Он примерил чёрный цилиндр из атласа. К нему подойдет белая накрахмаленная рубашка и галстук бабочка. «Чисто лондонский денди!» Вслушался в вибрации этого цвета. Тайна, загадка, осторожность и скрытность – символы эмоций черноты. Поздний вечер или ночь, новолуние и улицы разбитых фонарей – время и место действия для чёрного цилиндра. Бони сладко зажмурился, предвкушая всевозможные развлечения, взлёты и падения: «Шоколадное безе с привкусом чили!» Он бережно положил цилиндр в коробку.

Следом он надел жёлтую шляпу-канотье. И увидел все преимущества задуманного плана. Осуществлению сокровенных желаний помогут лёгкий обман, игра слов, медовая лесть и угодность. Не помеха в делах – хорошее яркое освещение в офисе, середина дня и общественный транспорт, забитый битком. Допустим, электричка, трамвай или метро. Толпа, дикая и воинствующая или даже неуправляемая под натиском эмоций – это ли не лучшее место для убежища в случае опасности? Говорят, хороший нос чует добрую драку за версту. Стальной привкус опасности Бони ощутил на языке так явственно, словно лизнул дверную ручку подъезда морозной зимой.

Зелёная шляпа принесла свежую мысль. Символами этой вибрации, пожалуй, могут быть свободное творчество, новые идеи, далекие горизонты и рациональный поиск альтернативного решения. Дороги, путешествия и... погони. Правду сказать, все-таки безопасность применения конструктивизма в жизни всегда импонировала ему. Время деяний – раннее утро, рассвет и лето. Бони почмокал губами, но на ум пришёл лишь вкус первых капель из грозовой тучи, а следом перед глазами замаячила ассоциация – «Продавец дождя».

– Когда нечем заработать, можно и дождь продать, – подмигнул он своему отражению, ставшему на пару секунд почти родственником хитрого лиса.

Белая шляпа породила риторические вопросы. Где добыть полезную информацию? Чем он обладает сейчас, и чего не хватает для достижения очередной цели в поисках счастья стать богатым? Разведка в пространстве Интернета доступна круглосуточно любому мало-мальски грамотному горожанину. Но «скучная шляпа» библиотекаря или архивариуса Бони Дварда не вдохновляла. Он вжился в образ пожилой серой мыши, обитающей в книгохранилищах. На зубах скрипела шагреневая кожа фолианта, которую хотелось заесть плесневелой корочкой сыра. Бони скис, настроение упало ниже плинтуса.

Оставалась синяя шляпа цвета весенних незабудок и пролесков. Он водрузил её на голову, сдвинул чуть набекрень, отвернул заднее поле вверх. Ощутил приятную дрожь в теле. Душа синей птицей воспаряла в небеса без спроса хозяина. Вторглась мысль: «Всем делам обязательно нужна научная организация труда. А пока неплохо бы проанализировать, чего я

уже достиг в плане карьеры на любимом поприще, и что ещё предстоит сделать? Стерильная чистота желудка порождала спазмы голода и стадо первобытных мыслеформ. Монстры плясали над головой, уговаривая хозяина синей шляпы стянуть колбасу с лотка на улице, обокрасть супермаркет или же немедленно взять годовой кредит. «Синяя шляпа требуется финансистам, экономистам или банковским работникам», – грустно констатировал Бони и отложил её в сторону.

Тогда Бони с удовольствием вновь напялил красную шляпу. Подошёл к книжному шкафчику и нашел узкую маленькую коробочку, повертел в задумчивости и, вытащив шкалик, плеснул в бокал на донышко. Пригубил, перекатывая во рту жгучую жидкость: «Отменный букет осени!» Яркие, живые эмоции и хорошее настроение наполнили душу, растеклись согревающим коньяком по телу, прогоняя зелёную тоску, депрессию и негатив прочь. Он чувствовал, как привычная интуиция нашёптывает на ушко: «Туда ходи смело. А куда задумал пойти вчера, – ни в коем случае, и даже близко не суй свой нос». Замечательная подсказка! Взгляд остановился на вазочке-конфетнице. Развернул пирамидку трюфеля, закусил: «Пойду, пройду, красную шляпу интуиции прогуляю».

Перемерив все шляпы, Бони подумал: «Отличная идея! Смена головного убора поможет мне переключаться на разные аспекты текущей проблемы. Рулит здесь не колдовство или суеверие, но психология! Шляпа шляпе – рознь».

3

Стильно одетый мужчина лет тридцати пяти, белый, сильный и привлекательный, лёгкой пружинящей походкой шёл вдоль Десятой авеню и сосредоточенно смотрел на экран навигатора, пристёгнутого к левому запястью. Мимо него прошла и затем не удержалась, оглянулась на симпатичного мужчину смазливая танцовщица кабаре. Упругая попа, обтянутая эластичными белыми брюками, казалось, танцевала квикстеп. При каждом шаге ритм замедлялся и убыстрялся так, словно в его ушах звучала мелодия. Красная шляпа гармонировала с рубашкой и костюмом, делая стилиста похожим на гастролирующего артиста. Красная косынка на шее горела атласным закатом. Яркое пятно, блеснувшее на сером фоне обыденности, не пропускал ни один женский глаз. Встречные особы, как молодые, так и пожилые, за несколько секунд успевали рассмотреть в мужчине ровно столько, сколько необходимо, чтобы оценить потенциального кавалера. Перехватывая заинтересованные взгляды, красавчик лишь обаятельно улыбался в ответ. Дамы думали, что знаки внимания предназначены им, а на самом деле он радовался собственным потаённым мыслям.

Мужчина торопился. Где-то поблизости должен находиться искомый объект. Золотистый закат расцветил окна стеклобетонной громадины, банка «Нью-Лайф Дадли», который он только что миновал. Рядом с ним расположилась узкая цилиндрическая высотка, построенная в стиле хайтек. Жёлтая точка навигатора пульсировала. Это здесь. Скоростной лифт нёс прозрачную кабину с пассажирами на верхние этажи небоскрёба минут десять, пока не достиг сто первого этажа. За это время пассажиры могли вдоволь налюбоваться урбанистическими пейзажами с высоты птичьего полета.

Мегаполис Нью-Лайф раскинулся на побережье Тихого океана, выходя на искусственные острова, заботами архитекторов и дизайнеров выросшие далеко от естественного географического края лукоморья. Высокие аркады мостов – крылья бабочек, навечно замерших в полёте, – изящными взмахами соединяли всю эту островную глазунью с берегом. Ажурные металлические конструкции всеми цветами радуги сверкали на солнце, создавая хорошее настроение у горожан. Трепетали флаги на мачтах спасательных кораблей, дежуривших на рейде. Лёгкий зюйд-вест оживлял парусную регату, заставляя лодки и яхты маневрировать между буйками, а моряков – ловить ветер.

Приливные электростанции, полощущие железобетонные сваи в морской воде за чертой городских пляжей и причалов, регулярно добывали энергию из большой волны, надолго обеспечивая многомиллионный город резервами электричества. В конце двадцать первого века лишь экологическая добыча энергии оправдывалась человечеством. Исчезли тепловые электростанции, работающие на угле или торфе. Разве что где-нибудь, например в российской провинции, ещё сохранились архаичные гидроэлектростанции, ожидающие демонтажа. По всей планете Земля и на орбите планомерно ширилось строительство солнечных аккумуляторов, термоядерных и звёздных энергостанций. Воздух очистился от смога, и небо сияло акварельными переливами, меняя цвет от нежной охры заката над морской пучиной на западе до прозрачной голубизны на востоке. Зайчики солнечных батарей на крышах небоскрёбов отсвечивали в глаза и мешали рассмотреть черепицы малоэтажных окраин, утопающих в зелени акаций и лип.

Лифт замер. Именно здесь, в пентхаусе, и располагался уютный ресторанчик «Рудокоп», облюбованный разномастной, однако вполне приличной публикой из Нью-Лайфа и его пригородов. Время от времени здесь бывали и солидные бизнесмены, и продюсеры из киноиндустрии и телешоу, и редакторы модных журналов, и известные тренеры, и ещё многие представители модных профессий, тем не менее, завсегдатаями считались искатели приключений и авантюристы. Именно здесь и хотел попытать счастья и он.

Новый посетитель окинул взглядом просторную, но уютную ресторацию и занял столик, стоявший чуть поодаль от эстрады, рядом с журчащим фонтаном жирандоль и тёмно-зелёной пальмой в бочке. Накинув красную шляпу на рожок вешалки, примостившейся справа от колонны, он поставил чемоданчик-дипломат у ножки стола. Народ собирался к ужину неспешно, и зал наполнился пока лишь на треть. Когда мужчина заказал чашку кофе, порог заведения неуверенно переступил грустный кюре. Он поискал глазами официанта, попросил сок со льдом и, испросив разрешения, подсел к стильно одетому мистери в белом костюме.

– Чем занимаетесь в жизни? – спросил вежливо кюре у соседа, чтобы не сидеть в гнетущей тишине.

– Даю советы в безвыходных ситуациях, – кротким голосом ангела ответил тот и искренне, по-детски улыбнулся.

Так они познакомились, падре Ред Кинг, кюре урбанистской католической церкви, и Бони Двард, консультант по решению алогических проблем.

– О! Достойное занятие – помогать людям! – одобрил кюре. Его настроение неожиданно улучшилось, и он позволил себе хороший ужин. – Часто бываете здесь, мистер Двард?

– Первый раз, зашёл из любопытства. Если будут вопросы, обращайтесь, падре. Я всегда к услугам бедствующих, – склонил голову собеседник и протянул визитку с номером контактного телефона.

Он кожей почувствовал, что падре уже «на крючке».

– Я, конечно же, понимаю, что такие услуги, как ваши, оплачиваются недёшево, – начал падре Ред Кинг, отрезая ножиком маленький кусочек фореги.

Бони Двард наблюдал, как артистически красиво ест кюре. Изящным движением тот обмакнул кусочек рыбы в соевый соус, облизал вилку и неторопливо прожевал.

– Натуральная пища вкусна от природы! Химические добавки лишают её живительной энергетики. Вы не находите? – при этом он искоса посмотрел на собеседника изучающим взглядом и продолжил священнодействие над блюдом.

– Да-да, вы правы, – ответил дважды согласием Бони, нарушив первую заповедь ведения диалога с клиентом: никаких «да», все фразы должны быть обтекаемыми и скользкими.

Ярко-зелёные и длинные ногти падре как-то не совсем вязались с общим обликом божьего агнца. Более того, они раздражали и выбивали из привычной колеи. «Да мало ли какие причуды бывают у людей? Америка толерантна ко всем странным индивидам», – подумал мистер консультант.

– Так как насчёт доброго совета? – прямым спросил кюре.

– Договоримся, – подбодрил его Бони Двард. – Излагайте вашу проблему.

Падре, приятный мужчина неопределённого возраста с чисто выбритыми висками, обременённый заботами о малочисленной пастве, давно мечтал отремонтировать скромное здание костёла, построенного ещё в конце девятнадцатого века. Однако паства состояла из бедных людей, едва влачащих не очень сытое существование. Прихожане – в основной массе законопослушные граждане – платили кредиты, медицинскую страховку, налоги, частенько брали в долг дешёвые продукты в ближайшем магазинчике и с трудом наскребали сумму, потребную, чтобы заплатить за обучение детей в колледже. Что взять с дорожных рабочих, водопроводчиков и сантехников, библиотекарей и учителей младших классов, а тем более с пенсионеров? А потому и пожертвования на богоугодные нужды были центовыми.

Мистер консультант по решению алогических проблем выслушал падре Реда Кинга очень внимательно, ни разу не перебив собеседника.

– Я всё понял, – сочувствующим тоном сказал консультант. – Думаю, есть один надёжный способ выйти из столь трудной ситуации. Более того, обещаю, через месяц у вас появятся финансы, троекратно превышающие затраты на ремонт костёла. Вижу сомнение на вашем

лице. Спорим на половину этой суммы? В случае моего проигрыша – всё достается вам. Риск минимален.

Кюре вслух оценил примерную смету затрат, включая ремонтные и отделочные работы, цены на материалы, зарплату строителям. Умножил расходы на три и, как показалось Бони Дварду, даже вспотел от возможных выгод.

– В случае согласия, что конкретно мне надлежит сделать? Надеюсь, это будет в рамках закона? – осторожно начал кюре.

– Абсолютно честный способ заработка, падре Ред. Ознакомьтесь с Договором и предметом спора, – мистер Двард нагнулся и достал из чемоданчика бумагу и авторучку. – Впишем сюда вашу проблему, способы её устранения и срок исполнения заказа.

Падре Ред прочитал, наморщил лоб и недоверчиво усмехнулся:

– Но это же, это же... Слов нет! Вы предлагаете, чтобы я продавал... и где? – он поднял указательный палец вверх. – Для VIP клиентов? Грешно смеяться, мистер Двард, над убогими!

– Несомненно. Смею заметить, падре Ред Кинг, вы ничем не рискуете: ни гражданской свободой, ни вложением финансов, ни долгосрочными кредитами. Всё остается при вас. Хотите сказать, что верующих католиков интересует вопрос совести? Конечно же! Очень интересует. Животрепещущая дилемма всех времен и народов. Большинство грешников, не имея возможности вести праведную жизнь, поститься и не ругаться, не обижать ближних и не заниматься прелюбодеяниями, захотят купить не только индульгенции, но и эти новые услуги. Такова психология людей, поверьте! Ну что, по рукам?

– Чисто утопия, мистер консультант! Ну хорошо, давайте ваш Договор. Спорим, что вы проиграете? – и размашистым почерком приходской священник нарисовал под текстом свой вензель, украсив его отличительным символом костёла, пятилепестковым лютиком.

Оба подписанта расстались, чрезвычайно довольные ходом дел. Мистер консультант, мечтавший выгодно жениться, заполучил нового клиента (из страны Дураков), который, как он думал, заработает для него неплохие деньги, материализовав их практически из воздуха. А мнимый кюре Ред Кинг понял, что в лице великого комбинатора и консультанта наконец-то нашёл бесценное сокровище для выполнения Миссии футуров. Главное, чтобы гениальный авантюрист думал, что он не ведомый, а ведущий в этом тандеме.

4

Прошла неделя. Чтобы навестить последнего клиента, Бони Двард надел скромный серый в светло-бирюзовую полоску костюм и зелёную шляпу. Он закрыл глаза и отпустил чувства на волю. Зелёные вибрации затронули тонкие струны души и несколько сместили прежние акценты эгоцентрического мышления в сторону альтруизма и эмпатии. Вместе с одеждой мистер консультант словно сменил личину.

Узкие и высокие башни готической постройки, увенчанные куполами с главными шпилями в обрамлении частокола мелких фиалов, были видны издалека. По мере приближения к воротам глазу прохожего открывались все тонкости витиеватой и богатой архитектуры, выросшей из бургундского стиля. Фасад костёла украшали сложные резные детали: тимпаны, вимперги и архивольты. Культовый сюжет по традиции воплощали скульптурные композиции из сцен «Страшного суда». Когда Бони зашёл в храмовый дворик, утопающий в кустах сирени и шпалерных розах, то обрадовался: господин кюре времени не терял. На доске объявлений перед входом в храм висел красочный плакат с подробной схемой расположения элитных мест в Раю. Вверху – аккуратная надпись: «Райское наслаждение можно купить». Малиновые готические буквы в обрамлении яблоневого цветущих веток привлекали доверчивых грешников словно варенье мух.

– Скромненько и со вкусом! Ай да падре Ред Кинг, силён и ты в фантазиях, как я погляжу! – искренне восхитился великий комбинатор.

Справа от плаката была наклеена маленькая глянцевая листовочка. Бони Двард встал на цыпочки, чтобы разглядеть её. Нежно-розовыми маргаритками украшались поля прейскуранта. Звёздочками, так же, как и классы отелей, отмечались номера люкс и полулюкс. С сегодняшней даты любой католик мог смело забронировать для себя комфортабельное местечко в Раю согласно социальному положению и доходу. Фотографии с видом на море, пальмы, пирамиды, заснеженные хребты, знаменитые вулканы или деревенский пасторальный пейзаж с коровками ненавязчиво пестрели то там, то тут, выше и ниже прейскуранта. Выбирая уголок в райской обители, праведники и грешники нервно размахивали руками и громко обсуждали вопрос: какие именно услуги могут быть им предоставлены за такую цену. Кто-то требовал дополнительно установить тарелку с телевизионными каналами, кто-то круглосуточно хотел иметь мобильную связь, а кто-то не отказался бы и от интимных услуг. Бойкая торговля билетами «One way ticket» в кассе скромного доныне костёла за одну только неделю достигла небывалой популярности среди жителей мегаполиса Нью-Лайфа. На автомобильной парковке возле божьего храма не наблюдалось ни одного свободного места.

Мистер Бони Двард удостоверился в хорошем совете, который давеча подал кюре Реду Кингу. Облегчённо вздохнув, перекрестился: «Грешников в двадцать первом веке хватает. Без денег не останусь!» Держа руки в карманах и насвистывая немудреную песенку «О, май дарлинг, Клементайн», недавно подслушанную в соседней с домом пивнужке, ловец душ направился к выходу. Его мечты родили посулы свежей добычи в ресторане «Рудокоп». Он уже подошёл к арке с надписью: «Суегу суег оставь позади!», как мягкий голос его окликнул:

– Мистер Бони Двард?

Он обернулся и делано улыбнулся:

– Падре Ред Кинг, моё почтение, – он снял шляпу. – Как будто ваши дела на поправку пошли?

– Мистер Двард, вы честный и отзывчивый человек, в чём я имел честь удостовериться. И хотел бы обратить ваше внимание на следующий вопиющий факт. Недавно я узнал историю одной бедной женщины...

«Рыбалка отменяется», – огорчился Бони. Зелёная шляпа завладела ситуацией, и эмпатия одержала победу. Он и не предполагал, что следующая рыбка в его сети окажется барракудой и будет охотиться за ним.

5

Роддом для дам, желающих оставаться инкогнито, встретил нового санитаря недружелюбно. Длинный узкий коридор, пахнувший карболкой и ещё чем-то специфически противным, мало напоминал о счастливом ожидании пополнения в семье. Серые стены, низкий жёлтый потолок, дырявый линолеум и заплатки, прибитые поверх прорех гвоздями, приносили грустную ноту в ощущение запустения и отчуждения от внешней городской суеты. Тесные палаты создавали повод для конфликтов между роженицами. Сквозь висящие ушами гончих клочки обоев, оставшихся со времён первого американского кризиса, сыпалась трухлявая штукатурка. Облупленные потолки и подоконники оптимизма не прибавляли.

Будущие мамы злобными и затравленными взглядами стреляли в медперсонал, от души желая всей женской половине угодить на их место. Мужчины здесь и вовсе, словно бельмо на глазу и напоминание о грехе прелюбодеяния, вызывали очередной приступ тошноты, который, впрочем, легко было списать на ранний или поздний токсикоз беременных. Скучный рацион, состоящий из овсяной, рисовой каши и сорго, а также каждодневной капусты и кукурузы, заставлял пациенток непрерывно жевать. Выходя на прогулку в зелёную зону при роддоме, они жевали всё подряд – одуванчики на газоне, молодую завязь на яблонях, конский щавель и ворованный в столовой хлеб. Иногда женщин навещали знакомые, подруги или приятельницы, сердобольно приносящие отварной картофель или спагетти с кетчупом. Всё съедлось мгновенно и без остатка.

Уступив вкрадчивому голосу и сладким уговорам падре Реда Кинга, Бони Двард устроился санитаром в это забытое богом и меценатами заведение. До сих пор он никогда не думал об униженных и отверженных обществом женщинах. Сегодня его сердце было готово разорваться на части от жалости и сочувствия. Он вспомнил детство и бедный квартал в маленьком городке на юге штата Техас. Любимая бабка уже тогда была старой и дряхлой, но продолжала работать посудомойкой в придорожном кафе. Двоюродная тётка же, каждый год рожавшая по малышу, не успевала обзавестись новым мужем, как он делал две странные вещи – сначала ей нового ребенка, а затем «быстрые ноги». Злые соседские языки обсуждали это прямо на улице, если не видели, конечно, рядом саму тётю Сэлли. Шестеро несмышленишей, мал мала меньше, бузили, кричали, дрались и постоянно просили есть. Окончив колледж за бабкины деньги, шестнадцатилетним мальчишкой он уехал на поиски счастья, как только получил диплом. Помотавшись по разным городам в течение нескольких лет, он, наконец-то, стал мистером Бони Двардом и научился хорошо зарабатывать на жизнь.

Одно утешало Бони, что, произведя на свет детишек, эти женщины уйдут отсюда и, возможно, найдут лучшую долю. Территория больницы была поделена на две части: для бедных и богатых. Вторую половину с элитными клиентками Бони увидел лишь пару недель спустя, заступив на место уволившегося санитаря. Здесь было хорошо, комфортабельно и тепло. Его внимание привлекла непоседливая особа лет двадцати шести, приятной наружности, кругленькая и улыбчивая. Гладкая кожа на лице светилась крепким здоровьем. Небольшой, чуть курносый нос, массивный подбородок, большой рот с пухлыми губами и блестящие серо-зелёные глаза придавали ей вид озорного ребенка. Рыжие и густые волосы, небрежно схваченные резинкой на затылке, скрадывали некоторую дисгармоничность её черт. Бони не раз замечал, что молодая женщина наивно и с детской любознательностью рассматривает больничный парк за окном, где прогуливались женщины из других палат. Она не выходила на улицу днём, но предпочитала дышать цветочными запахами поздно вечером, когда распускались ночные фиалки. Обитательницы элитной половины роддома ложились спать. В это время парк обнимала звенящая тишина, не нарушаемая чужими шагами или пустопорожней болтовнёй назойливых соседей.

Бони подарил ей фотоальбом с видами Парижа и иногда развлекал мисс Шерил Баттон душещипательными мелодрамами из старых фильмов.

Очевидно, что это имя не было настоящим. Накануне родов мисс Шерил рассказала свою историю. «Ничто не ново под Луной!» Богатые и знаменитые родители мечтали о браке дочери с семейством партнёра по бизнесу. Бони Двард сопоставил факты. По описанию падре Реда Кинга, именно эта женщина нуждалась в помощи, поскольку будущего внука её родители обещали продать крупной фармацевтической компании для опытов. «Только вы можете спасти будущего малыша!» – уверял его сердобольный кюре.

– Я нашёл эту женщину! – сообщил утром Бони по мобильному телефону клиенту, выйдя в парк и прячась под сенью раскидистого бука. – Мальчик замечательный, родился утром с индексом здоровья в десять баллов. Акушерки унесли его в палату для новорожденных. Сегодня их там трое.

– Отличная новость! Дождись дня, когда медперсонал отправится с ними на первую прогулку. Жду тебя в условленном месте.

6

Насвистывая всё ту же песенку «О, май дарлинг, Клементайн», Бони вышел из супермаркета и уверенным шагом подошёл к детской коляске с тройняшками. Два малыша улыбались, пускали слюни и «агукали», третий же – толстенький бутуз с пухленькими румяными щечками, – крепко спал. Мужчина оглянулся: парочка охранников вышла на крыльцо, обмахиваясь форменными кепками. На улицы города Нью-Лайфа наконец-то пришло тепло, а вместе с ним вернулись задымлённость нижних слоёв воздуха, вонь от выхлопных газов, повышенная потливость и раздражительность вечно спешащих горожан.

Бони с ужасом подумал о возможном провале миссии: «Безобразие! Надо дожидаться, пока охранники уйдут или отвернутся». Он наклонился и стал перешнуровывать кроссовки, наблюдая за ними. Вот один показал куда-то рукой, и они, спустившись по ступеням, пошли к автомату с напитками. Тогда Бони быстро наклонился, схватил малыша и, прижав его к себе, поторопился обратиться восвояси.

Забежав в узкий проулок где-то между двумя оживлёнными торговыми центрами, он судорожно перевёл дыхание. Маленький голубой свёрток мужчина бережно прижимал к груди. Он приподнял уголок конверта из мягкого стеганого одеяльца и с умилением посмотрел на приобретенное сокровище. Младенец спал крепко, пухлые щёчки розовели здоровьем и хорошим питанием. Правильные и гармоничные пропорции лица свидетельствовали о доношенной беременности и – он также надеялся – благополучной наследственности. От малыша пахло молоком и почти неуловимо – детскими присыпками. Мужчина опустил уголок, оглянулся.

Из дверей чёрного хода супермаркета вышли те же охранники с дубинками наперевес. Беглецу это показалось подозрительным, а вдруг погоня? И он поспешно юркнул в открытые двери ближайшего бистро. Затесавшись среди немалой очереди, мужчина вывернул зелёную шляпу наизнанку. В сочетании с мышинного цвета футболкой и джинсами, серая подкладка делала его менее заметным на фоне пёстрой толпы. Прижимая левой рукой ребёнка к груди, достал из заплечного мешка рюкзачок «кенгуру», надел на себя и ремешками пристегнул к нему конверт с малышом. Ребёнок спал. «Повезло. Спи, детка, и дальше», – подумал мужчина. Женщины в очереди уступили «папаше» место к раздаче. Для конспирации ему пришлось взять поднос. Он взял ростбиф, салат, пиццу, пакетик кетчупа, бутылку кока-колы и, немного подумав, добавил к блюдам аппетитную булочку паниньо с толстой зажаристой корочкой. «Все движения должны быть уверенными и спокойными, чтобы не вызывать ни у кого подозрений». И лишь заняв столик у окна напротив входных дверей, осмотрелся.

Охранники стояли в очереди последними, непринужденно болтали о чём-то, смеялись. В его сторону никто не оглядывался. «Уже хорошо, пожалуй!» – только сейчас он почувствовал истинный голод. Бони развернулся полубоком к столу и в такой неудобной позе стал обедать. Иногда всё-таки следил за входом, новыми посетителями и охранниками из супермаркета. Девять минут прошли без лишних тревог. «Теперь неплохо бы незаметно смыться отсюда», – он отодвинул стул, встал и неторопливо направился в сторону туалета, но за спинами вошедших посетителей резко свернул к выходу и выбежал на улицу. Пройдя ряд маленьких бутиков, поискал глазами метро, заторопился в подземный переход. Уже на лестнице почувствовал за спиной неровное дыхание преследователей. Всё-таки это были полицейские, которых он по ошибке принял за охранников из супермаркета. Тяжёлая поступь плечистых парней неотвратимо приближалась.

В подземном переходе было тесно – час пик. Бони бежал мимо целого сонмища мнимых калек и наглых попрошайек, продавцов газет и распространителей листовок и флаеров, споткнулся о футляр скрипача и чуть не упал. Рядом залаяла чья-то собака, басовито и отрывисто

тявкая. От громкого звука проснулся и заплакал малыш. Мужчина с ненавистью посмотрел на чёрного ширококостного ротвейлера:

– Заткнись, чудовище! – досадливо выругался беглец и пнул миску с подаянием.

Монеты раскатились по бетонным плитам под ноги прохожим. Хозяин собаки, вмиг ставший полноценным двуногим негром, ощерил рот в непотребной ругани, взял костыль и пустился за обидчиком, норовя огреть его по спине. Чувствуя настроение хозяина, ротвейлер оскалился и тоже бросился за убегающей жертвой. Столпотворение помогло, мужчина протиснулся следом за толстяком во входную дверь метрополитена, перепрыгнул турникет и побежал вниз по эскалатору. Он успел запрыгнуть в вагон в тот момент, когда двери электропоезда начали закрываться, и уже через стекло показал средний палец преследователям.

7

– Моё почтение, падре Ред Кинг! Покормить малыша бы? – сказал Бони Двард, когда зашёл в апартаменты кюре. Он бережно положил ребёнка на диван.

– Спасибо, Бони, твоей доброте нет предела! Держи обещанную сумму, пари ты выиграл! Рабочих для ремонта костёла я нанял, и они уже приступили к делу со вчерашнего дня. Но, как ты понимаешь, в связи с прибавлением в моей семье, – он кивнул в сторону малыша, – я хотел бы передать заботы о строительных работах ненадолго тебе. Пока отвезу малыша к моей сестре в Канаду. Распоряжайся счётом в банке «Нью-Лайф Дадли» согласно затратной смете. Доверенность на твоё имя у нотариуса я заверил. Осталось подписать, как положено, Договор о сотрудничестве, если не против? – Ред Кинг протянул авторучку.

Бони колебался недолго, сумма впечатляла:

– По рукам, партнёр! Удачно съездить. Ну, бывай! – Бони взял бумаги и направился к выходу. – Покорми малыша, а то он соску готов проглотить.

– Прощай, партнер!

Дверь захлопнулась. Ред Кинг осторожно прижал голодного малыша к груди, захватил сумку со смесями и детскими бутылочками и распахнул дверцы шкафа, где занял единственное место в хронокапсуле. Вот в таком виде католического священника, в чёрной сутане с белым воротничком и красной шапочке, он появился в кабинете главы Медико-биологического Конструкторского Бюро в тридцать девятом веке.

– Грин, Миссия выполнена!

Грин Грэмми чуть не поперхнулся кофе, закашлялся:

– Неужто я проиграл спор?

– Так точно. Смотри, какой чудный малыш, человеческий!

– Шерравксом!

Через час дисколёт доставил педиатра к новорожденному.

– Как малыш? – спросил Грин у доктора. Ред Кинг замер в ожидании.

– Папаша, можете радоваться, ваш сынишка здоров как бык, – ритм обоих сердец – синусовый, правильный...

Московских улиц негасимый свет

Москва в 2147 году разрослась до границ Московской области, занимаемых ею в двадцать первом веке. В этом гигаполисе жило почти семьдесят процентов населения России. Каждый отдельный район столицы стал практически самостоятельной административной единицей со своим субмэром и Советом ревизоров, курирующих различные отрасли промышленности и сельского хозяйства, развиваемые здесь.

«Да уж, моему деду и не снился такой размах», – я смотрел на карты центральной России выпуска столетней давности и свежую и мысленно сравнивал две эпохи. Рядом, на стене между окнами висела новая карта, ещё пахнувшая типографской краской. На глянцевого шёлковой бумаге пунцово атели крыши Солнечного района – гордости современных архитектурных возможностей; здесь я проводил две трети времени еженедельно.

Наверное, с точки зрения деда, прежние сложности в жизни сегодня упростились, а обычные бытовые мелочи усложнились. Теперь даже столичные жители вынуждены были регулярно пользоваться бумажными путеводителями с электронными маршрутизаторами или аудиогидами. В двадцать втором веке на московских улицах, словно в каменных джунглях, заблудиться мог даже старожил. Нелегко стало за оптимальное время добираться до места назначения: в Большой драматический театр, цирк на Цветном бульваре имени Юрия Никулина или же до Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, что расположен на одном из семи холмов на Ленинских горах в юго-западной части столицы.

Я некогда учился там, на медико-биологическом факультете. Бывало, до лекций я частенько бродил вдоль реки, босиком загребая белый мелкозернистый песок и с наслаждением вдыхая смешанный лесной запах – липы, дуба и берёзы, – а потом торопился на занятия, взбираясь наверх к метрополитену. Вроде бы и горы, по меркам альпинистов, шуточные, но быстро преодолеть какие-то восемьдесят, а где и сто метров над урезом реки без передышки не всегда получалось. Я отвлекся на воспоминания, это было вроде бы недавно, но мне казалось, что давненько. Впрочем, всё относительно.

* * *

Я снял маску, окровавленные перчатки и кинул их в утилизатор, через секунду раздался характерный чавкающий звук. В момент накопившаяся за день злость выплеснулась в немотивированных действиях, и я от души пнул это жестяное создание. От чего оно не перестало чавкать, но моргнуло жёлтыми глазками светодиодов, высветив надпись: «Извините, работаю».

Я имел право на плохое настроение. У меня сегодня были очень тяжёлые роды. Точнее сказать, конечно же, не у меня – рожала моя пациентка, но дежурная бригада акушеров-стажёров перенервничала изрядно, а я больше всех, поскольку исполнял роль ведущего врача. Началось всё со слабой родовой деятельности, которую пришлось стимулировать инъекциями сильнодействующих препаратов. Затем стремительное сокращение мышц потребовало обезболивающих лекарств, после которых на женщину напала сонливость из-за индивидуальной непереносимости. И вместо того, чтобы активно заниматься важным делом, она уснула, огласив богатырским посвистом операционную; малыши могли задохнуться. Пациентка была старенькая, а дети крупные. Вынужденно мы подключили её ко всевозможным аппаратам, тогда процесс стал контролируемым.

Когда появилась головка первого ребенка, крепкий такой на вид стажёр внезапно побледнел и рухнул в обморок. Его коллеги объяснили, что он никогда не видел до этого родов, да к тому же его жена в интересном положении, и на этой неделе срок выходит. По-видимому, моло-

дой муж заранее прочувствовал занимательные нюансы женской природы. Медсестра схватилась за нашатырный спирт, капнула на ватку и поднесла к носу обморочного стажёра. Вскоре он вновь занял «боевой» пост.

За шесть часов появилась тройня. Два парня по три с лишним кило потянули на десять баллов по шкале Гиппократов. С третьим же, набравшим едва пять баллов, пришлось повозиться. В конце концов, мы определили его в бокс для «недовеса». Нас сменила ночная бригада опытных акушеров. Им осталось наложить швы и проследить за отключением роженицы от техники.

Я шёл по длиннющей кольцевой галерее и думал, что она никогда не закончится. Слева тянулась глухая стенка; её матовая поверхность из серо-зелёного дырчатого пластика вовсе не успокаивала нервы. А медицинские плакаты с разъяснительной информацией для посетителей и младшего персонала нервировали сильнее, чем красная тряпка быка на корриде. Хотелось разодрать в клочья «сладенький» плакат с кесаревым сечением. Кто его здесь «присобачил»? Мы боремся за то, чтобы женщины могли рожать больше и самостоятельно. А какая-то сволочь подобрала эту агитку для глухих молодых папаш.

Вдруг моё внимание привлекла панорамная фотография. Высочайшее здание Солнечного района живописно раскинулось по берегам реки Москвы. «Да, не зря оно привлекало и привлекает глаз москвича или гостя столицы – это центр имени Гиппократов», – с гордостью подумал я о своём месте работы. Впрочем, в районе построили много «именных» центров здоровья: Павлова, Бехтерева, Авиценны и других, где благоденствовала медицина как традиционная – европейская, так и нетрадиционная – восточная. Любой человек, будь то москвич или россиянин из глубинки, по своему выбору и внутреннему позыву мог выбрать приемлемые для себя методы лечения и интересующий его медперсонал.

Однако среди прочих заведений особенной популярностью – как это зачастую происходит с обывателем – пользовался лишь один центр, куда время от времени выстраивались бешеные очереди. Это центр Возрождения или попросту – центр реинкарнации. Науки: бионика, кибернетика и крионейрология – дошли, доросли и достигли мифологических высот в области познания Человека. Ограничительные законы депутаты не приняли, уповав на совесть каждого гражданина. «А напрасно!» – рассвирепел я. – «Провинциальный народ ринулся туда, не только не зная законов мироздания, но и не желая их понимать вовсе».

Я не зря об этом долго думал – хочу выступить с предложением в Совете ревизоров на ближайшем заседании в мэрии. Пора нам, наконец, отрегулировать вторжение в матушку природу. Поводов к тому накопилось немало, а сегодняшний случай из моей практики, как я заподозрил, ещё принесёт сюрпризы. Я отвернулся от снимка и поспешил дальше.

Справа глаз радовали арочные окна с видами на город с высоты птичьего полёта. Я залюбовался панорамой. Если бы столетний провинциал, никогда не выезжающий далее околицы родной деревни, – да хоть бы тот же сосед моего деда, Трофимыч, – подумал, что столица превратилась в хаотичное нагромождение одинаковых кубиков или параллелепипедов, запряжанных под светопроницаемым куполом из солнечных батарей, то он заведомо бы ошибся. В двадцать втором веке архитектурный дизайн Москвы достиг небывалых высот искусства плетения причудливых форм и узоров. В качестве основы стен и крыш строительные мастера давным-давно используют твёрдые и полужидкие метаматериалы, что позволяет значительно экономить электроэнергию, отправляемую в прошлом веке на бытовые нужды. Принцип отопления и освещения наших жилищ также изменился до неузнаваемости.

Выглянуло солнце сквозь щели в небесном куполе. Я прищурился: «Эх, скорей бы домой! Там тепло и уютно». Свет, пойманный между внешними и внутренними гранями стен, многократно отражался, создавая не только равномерное освещение квартир, но и приятную игру цветовых пятен в рамках для картин. Живые сцены по желанию хозяев дополнялись целым рядом из хитро закрученных геометрических фигур. Глядя на эти янтры и мандалы, можно

было видеть иллюзорное вращение картинки в поле зрения. Эффект обманчивого движения возникал из-за особенностей зрительной системы человека, его концентрации и внимания при рассматривании тонкостей. Таким образом, архитекторы сочетали в себе и психологов, заботясь о духовной составляющей будущих жильцов. «Вот она, инженерная мысль в действии! Прогресс рождает красоту», – немой восторг охватил меня.

Но стоило мне достичь нашего лечебного отделения, как прежнее настроение вернулось, прищепив хвост эстетическим чувствам и эмоциям. Дверь в именной кабинет я открыл ногой, с размаху плюхнулся на диван. Прижал позвоночник к ровной и жёсткой поверхности и закрыл глаза, с наслаждением вытянув затёкшие от долгого стояния ноги. «Десять минут полежу, потом залезу под душ», – подумал я и отключился почти на час.

* * *

В полудрёме слышались голоса из ординаторской. Они спорили о том, что клинические лаборанты ошиблись: в одном помёте не могут быть дети от разных отцов. Конечно же, согласился я, не проснувшись окончательно, – это истина, доказанная медицинской практикой, хотя слово «помёт» резануло слух. Молодые коллеги зачастую, на мой взгляд, чересчур злоупотребляют жаргоном. Я вздрогнул и сел на диване. Вечерело, в окнах соседнего дома зажёгся свет. Пора в душ и домой!

Московские улицы нижнего города встретили меня тёплым майским ветерком. Чистое небо без смога, очищенное от выхлопов дизелей ещё в двадцать первом веке, поздоровалось со мной пшеничной россыпью звёзд. Стремительные сумерки погасили остатки загоризонтных лучей дневного светила. Я вдыхал ионизированный послегрозового воздух, веявший прохладой, и чувствовал близость Москвы-реки. Огляделся кругом. Зажигались галогенные фонари на автостраде. Загорались осветительные гирлянды на деревьях. Включились габаритные огни на фасадах центров здоровья, юридических контор и банков, кафе и ресторанов, магазинов и кинотеатров, спортзалов и бассейнов. В этом нет ничего удивительного, – потому как пилоты низко летающих мультикоптеров должны видеть городской лабиринт. В окнах жилых небоскрёбов зажигались огни; за шторами они казались неяркими, но тёплыми и оранжевыми. Это означало, что люди приходили домой после работы в свои уютные гнёздышки, и от них веяло миром и счастьем. Я умерил шаг, остановился перед витриной книжного магазина.

Завибрировал в кармане космобилик: звонили из ординаторской. Срочный вызов требовал непременно моего присутствия. Попытался «отбойриться», не вышло. Эх, даже чашку чая не успел выпить! Сигнал отследили, и вот уже скорая помощь резко затормозила напротив:

– Алесь Иоаныч, там такое! Быстрее, – позвала меня медсестра Ноля, – поехали!

– Я после смены, кроме меня есть опытные врачи. И что же «там такое» необыкновенное?

– По секрету, обещайте не выдавать меня, ладно? – Ноля понизила голос. – Младенец в инкубаторе вырос за два часа сантиметра на три и набрал вес почти килограмм.

– Дурацкие шуточки! Если бы вы знали, как я устал. Вы понимаете, Ноля, у меня были тяжёлые роды. Теперь ваша ерунда. Этого не может быть, потому что не может быть никогда. Показания приборов барахлят, технику давно пора менять. Проверили бы что ли, прежде чем меня тормозить по чепуховинам.

– Старшая медсестра, Акулина Григорьевна, говорит: переподключали на аппаратуру из соседнего отделения, и показания их совпали с нашими, до цены деления.

– Дурдом «Ромашка»! – воскликнул я, мечтая о недоразумении.

Но до вожденной кровати мне было как до Луны. Я осмотрел младенца и пришёл к выводу, что он похож на двухмесячного – настолько он был кругл, с перетяжечками на руках и ногах. На меня смотрело определенно интеллектуально развитое существо с умными глазами.

Лёгкая ироническая усмешка играла на его губах. «Эк я переутомился», – подумал я, пожав плечами. Вслух сказал:

– Наверное, в весе при рождении ошиблись, что ж, бывает. Пойду-ка я домой, коллеги, и на завтра беру выходной. – И тут меня осенило: – Акулина Григорьевна, подготовьте историю болезни нашей роженицы. Узнайте, прибежала ли она когда-нибудь к экстракорпоральному методу оплодотворения? Где брали генетический материал? Если нет, то кто отец малышей?

– Алесь Иоаныч, мы кое-что узнала заранее. Да, она использовала метод ЭКО в центре Возрождения. Но тогда ничего не получилось, и она обратилась к восточной медицине. Вот папка, возьмите. В ней тоненькая тетрадь – это обменная карта, толстенная – история болезни, «гармошка» – это распечатка поликлинической карты. На лентах записаны электрокардиограмма и фонокардиограмма, на отдельных листах – анализы, общие и генетические. Ещё общегражданский файл-досье с фотографией и штрихкодом.

Я взял папку с историей болезни и отправился к себе в кабинет. Походил из угла в угол, меряя шагами длину и ширину второго дома, где проводил большую часть жизни, посмотрел в окно. Свет не включал, любовался видом вечерней Москвы. Светлые мысли ускользали. Я был голоден и зол: «для полного счастья мне только ЧП в родильном отделении не хватало!» И пешком по лестнице, чтобы сбросить адреналин, медленно поднялся в кафетерий на седьмой этаж, заказал пиццу с солёными огурцами и оливками. Ужинал молчком, перелистывая пухлую карточку, анализы, досье. «Пациентка, Ракитина Ноябрина Филипповна, родилась в селе Ольховка. Окончила среднюю школу в... году».

* * *

После ужина я вернулся в отделение. Дневной и ночной персонал по домам не расходились, дружно пили неовалерьянку, ди-корвалол и ди-элиниум. Увидев меня, новорожденный вытянул указательный пальчик и сказал: «Дядя». К четырём часам необычный младенец выглядел трёхлетним карапузом и рассказал Ноле «казку про куёчку Лябу». Ускоренный метаболизм ребёнка поверг в шок практически весь наш центр Гиппократы. Мамаша же спала как младенец. Главврач вызвал меня на ковёр, и мы с ним неслабо подискутировали о преимуществах выращивания редиски на дачных участках для пенсионеров, если история «просочится» за пределы десятой МКАД.

* * *

Ранним утром я купил билет на пневмопоезд, чтобы быстро доехать до филиала центра Возрождения в Ольховке. Ехать из Солнечного района Москвы было недолго, всего три с половиной часа. Я предпочел вагон-купе с проводницей-психологом и системой релаксации. Когда кассовый автомат предложил в качестве успокаивающего фактора погладить на выбор кота, енота или бобра, заплатил за енота. Пушистый друг того стоил – спокойный зверь, податливый мех и весёлая мордочка с глазками-бусинками помогли исчезнуть тревогам и ночному раздражению.

Я гладил енота и пытался сосредоточиться на предстоящей аудиенции к главврачу Ольховского филиала, продумывая всевозможные ходы и выходы в сложившейся ситуации, а также финансовые затраты. Подошла проводница-психолог, молодая женщина, обаятельная, начитанная, грамотная в области изобразительного искусства, и предложила сыграть в интеллектуальную игру, в конце которой я должен правильно выбрать станцию, где выйду. От этого зависело, встречу ли я свою вторую половинку в виде той, в которую когда-то влюбился без памяти, или же это будет другая девушка. Неужто я так хорошо выгляжу, что психолог меня приняла за молодого и неженатого? Глянул в зеркало на двери. Стриженный ёжик с лёгкой про-

седью, вытянутое усталое лицо, небритые щёки с рыжеватой щетиной и воспалённые глаза с красными прожилками, признаком бессонной ночи. Я критически оценил фигуру, пару килограммов сбросить не мешало бы, но в целом ничего так. Если запишусь на июньский марафон, то – почти кипарис. Сделал вывод. Психолог любезна по должности: работа в компании «Российские железные дороги» обязывает. Я отказался, однажды уже сыграл в эту игру, в итоге до сих пор чувствую себя дурак дураком.

Всплыла строчка из досье Ракитиной: «Они прожили с мужем душа в душу более двадцати пяти лет». Я вспомнил об этом и болезненно поморщился, прошлое отозвалось загрудинной болью. Сейчас моя цель – центр реинкарнации в Ольховке. Чую, творится там что-то неладное, нелицензионное и противозаконное. Я вёз с собой прядь её волос, содержащий ДНК, и последний диск записи мозгового скана. Сидя один в пустом вагоне бизнес-класса, в полудрёме, я мечтал о поездке в Кейптаун вдвоем с нею, с той молодой девчонкой, бывшей ею много лет назад. И понимал, мой враг – время ожидания для выращивания нового тела, её тела.

Ну, помечтал, и будет! Поезд резко дёрнулся и остановился, я спустил с колен енота, захватил портфель с документами пациентки Р. и вышел на перрон. Ольховка меня встретила тусклой и скучной погодой. Слабая облачность, правда, скорого дождя не обещала. Низенькие бревенчатые домишечки с маленькими оконцами и резными ставнями перемежались добротными кирпичными особняками с двускатными крышами. Громадными одуванчиками белели на синей, красной и зелёной черепице тарелки космической связи и телевидения. Пожалуй, этот прогрессивный признак был единственным на селе. Безыскусный крестьянский уклад жизни ничуть не изменился за годы моей столичной карьеры. Так же кудахтали куры и горланили петухи, гоготали гуси, тьякали собаки; так же пылилась грунтовая дорога вослед за трактором; так же крикливо здоровались соседки из-за заборов, не выходя на улицу со двора. Выглянувшее солнце заставило прищуриться. Я согнул ладонь козырьком, прикрылся. За ольховой рощей увидел чудо-небоскрёб под куполом из солнечных батарей. Наверное, это и есть филиал Возрождения. Чтобы скоротать путь, я пошагал по неприметной тропке напрямки через заросший бурьяном пустырь и реденькую ольховую рощу.

* * *

На крыльце меня встретил сам директор Ольховского филиала, серьезный мужчина в деловом костюме мышинной расцветки.

– Доброго здравия! Нечасто столичные гости приезжают сюда. Добро пожаловать, – он протянул руку.

– Здравствуйте, Иосиф Викентьевич, дела, знаете, – крепко пожал я в ответ потную ладонь радушного хозяина.

Присмотрелся к нему, уловив в голосе знакомые нотки. В господине невысокого роста, юрком и востроносеньком, с залысынами от висков, я узнал однокашника Йоську Гуревича. Он окончил факультет педиатрии, но врачебной практике предпочёл административную карьеру.

– Ба! Кого я вижу! Тот самый Йоська? Рад тебя видеть, большой человек.

– А я как рад!

Мы проехали в скоростном пневмолифте до приемной директора в пентхаусе. За чашечкой берёзового чая он пролистал материал и изрёк:

– Нонка, ежели ты вспомнишь школьные годы, всегда была девчонкой странной и экстравагантной. С возрастом она становилась всё «страньше и страньше». Отказалась от капитального омоложения, но задумала родить гмо-детей с ускоренным метаболизмом.

– О, господи! Зачем ей это понадобилось?

– Алесь, ты никогда не слышал о проекте «Астра»?

– Очень смутно. Что-то вроде попытки отобрать лучших землян и послать их на планету Глиезе, нет?

– Верно. Однако есть подводные течения. Хитрость кроется в слове «отобрать». Центр реинкарнации сотворил генофонд землян, отобрав ДНК граждан, получивших однажды премии от фонда «Звёздная Москва». Туда должны лететь не просто специалисты, но лучшие, опытные и... молодые.

– Постой, Йоська, но мы-то с тобой знаем, что опыт приходит с возрастом. Парадигма этой затеи равна нулю!

– Не кипятись, слушай дальше. Биотехнологи, инженеры-бионики, кибернетики и крионейрологи, короче, «боги», как их прозвали в народе, поупражнялись слегка. В результате опыт поколений, или память предков, они записали в генетическую память, это раз. Ускорили метаболизм организмов до состояния двадцатилетних, это два.

– Нашли женщин, согласных на рождение гмо-детей, это три, – добавил я с грустью.

– Я всегда говорил, что ты умный, – сказал Йоська и поднял трубку. – Машенька, приведите мне пациентку из палаты «Эр». Сейчас сам всё увидишь, тебе накапать успокоительного или по граммульке спиритус-вини?

– Нет, будь спок. Давай, показывай секреты.

Дверь распахнулась, и, умышленно покачивая бёдрами, вошла она, пышнотелая и румяная красавица лет двадцати. «Нонка»? Язык прилип к нёбу, в горле пересохло. Йоська посмотрел на нас обоих и нахмурился:

– Знакомьтесь, сельчане. Ракитина Ноябрина, наша гордость – сто двадцать первый кандидат в проекте «Астра». Заметь, она не клон, а оригинал. Клоны отличаются от оригиналов наличием митохондрий других мам и более короткими теломерами на концах ДНК. Наши «люди» – практически близнецы своим старшим братьям и сестрам.

– Хорошая работа, – выдал я скупую похвалу «инженерам-богам». – В моём родильном отделении, подозреваю, её дожидаясь я, в смысле молодой я. Утром ему исполнилось три года.

– А к вечеру будет все двадцать, – «утешил» меня Йоська. – Поеду-ка я с тобой в Москву. Где-то после полуночи намечен старт «Астры» с космодрома «Московский». Он хоть и построен на отшибе, но в черте города, близ искусственного озера и рядом с десятой МКАД. Хочу полюбоваться на феерическое зрелище с крыши твоего «Гиппократ». Представляешь? Десять тысяч гмо-детей, фактически ты, я и наши любимые полетим осваивать планету Глиезе.

* * *

В кабинете нас ждали молодые Йоська, Йоськина жена, я. Молодая Нонка воссоединилась с молодым-Я, обняла и чмокнула в лоб. «Вояж в Кейптаун откладывается», – констатировал я.

– Привет, Алесь, – небрежно сказал молодой-Я, фамильярно похлопав меня по плечу. – У тебя были трудные роды вчера, но ты справился успешно. Одобряю твоё решение поместить недвес в инкубатор. Теперь это и мой опыт. Да, кстати, в три часа старт «Астры», приглашаю тебя и твоих коллег на космодром.

Меня передёрнуло, молодой-Я был нахален, груб и самонадеян. «Мальчишка»!

– Ну, ты там не подведи, меня, нас обоих, Алесь, – напутствовал я себя молодого.

* * *

Полыхнула сотня дюз, окутав звездолёт «Астра» сине-алой плазмой. На тридцать секунд космический аппарат завис над Москвой и... внезапно превратился в яркую точку на небе. Реактивный след растворился в рассветном небе. Мы с Йоськой словно осиротели, промокнули

глаза платками и спустились с крыши вниз. Захотелось побродить по улицам нижней Москвы просто так, без цели, громко петь песни, беззаботно смеяться.

Тренькали первые трамваи, чиркали по небу флаеры, медленно плыли мультикоптеры и свистели пневмопоезда, несущиеся на монорельсах между гигаскрёбами. В домах зажигались квадратички окон, люди просыпались на работу. Я смотрел на привычную картину и радовался, что не улетел ни на какую чужую Глиезе, а остался здесь, на Земле, и могу каждый день видеть московских улиц негасимый свет.

Анархист – вождь индейцев

– Нэ. Эн. Н-нн. Нигилист. Ничего. Ничегошеньки. Ничто. Незачем, – пятилетний малыш, худенький, как все дети, начинающие в этом возрасте быстро расти, особенно в условиях малой силы тяжести, водил пальчиком по Марсианской азбуке, открытой наугад в середине. – Нигилист – пофигист.

Мальчик задумался, пробуя слово на вкус, посмотрел в окно. Бело-синяя медуза из кварцитового стекла и противорадиационного бетона, распластавшаяся на высоченном цилиндре, была зданием городской администрации, выстроенном по канонам типового проекта неомарсианской архитектуры. Над ним реяли три флага: красный с изображением Марса – штата Маринер, желто-зеленый с тремя синими звездами – городка Меркур и белый флаг с изображением сизого голубя – Единой Земли – пока неосуществленной мечты жителей обеих планет. Разнокалиберные аэродинамически-гладкие формы остальных городских построек росли из грунта как грибы-дождевики на картинках в книге «Полезные и съедобные грибы». Среди них он разглядел паукообразный корпус хлебозавода, выпекающего хлеб и булки из водорослей, вертикальную каплю видеотеки с видеокарандашами для взрослых, перевернутое блюдо поликлиники для бедных, школу выживания («из ума старых маразматиков», – всегда добавлял папа) и обычные полусферы жилых домов.

Фонарные столбы, окаймляющие маленький дворик частного строения на окраине городка Меркур, где жила семья Грумсонов, венчали флюгеры. Внезапно они бешено завертелись. Налетел порывистый ветер, натягивая и прогибая тросы, удерживающие мачты антенн на городских крышах. Верховой поток, скользнув по куполам, ринулся вниз и пополз змеей меж редких пучков лишайника и острых камней, щедро усеянных красно-охристым песком. Струйки песка закручивались в приземистые конусы вихрей и бежали куда-то на восток, в сторону каньона, скрываясь за невысокой красной грядой из сухого, растрескавшегося от мороза глинозема. Желтая дымка заволокла небо, скрывая белую пуговку солнца. Так всегда начиналась пылевая буря. «Значит, шлюзы гулять не пустят». Малыш поковырялся в носу и вытер козюлю о передник, захлопнул книжку и вновь открыл ее:

– А. А-аа. Ана. Анаграмма. Аннуаки. Анархист. Красивое имя, подходит для вождя индейского племени, – воскликнул он, искоса поглядывая на полку, заставленную гнездовьями с видеокарандашами.

Вздыхнул огорченно – родители поставили новый пароль на «веселую стенку», а до вечера ждать долго. Часы мигнули на половине четвертого. Эх! Тогда можно поиграть с заводными папиными фигурками: лошадей, собак, индейцев, военных и всяких городских человечков. Мальчик слез с широкого подоконника на стул, обул потерянный тапочек и, оглядываясь по сторонам и чутко прислушиваясь к входному шлюзу – не пришла ли домоправительница с рынка, – на цыпочках подошел к папиному кабинету.

Он вспомнил, что сказал утром папа: «Рэй Грумсон, я строго-настрога запрещаю тебе не только трогать мои игрушки, но даже ступать на порог кабинета! Иначе придется применить обещанный с прошлого года витамин “Эр”. И демонстративно повесил кожаный ремень на самое видное место в детской, на крючок рядом с тонкостенным обогревателем. Плоский тигр на нем улыбался и подмигивал малышу левым глазом.

Папа был высокий – Рэй едва доставал ему до пояса, мама была вровень с его плечом, а дядя Петря – до мочек ушей. Еще папа отличался силой, когда они с дядей Петрей играли в армрестлинг, папа частенько побеждал. И, конечно же, папа – очень умный. Недаром кучерявая соседка тетя Лолита, прихорашиваясь в прихожей перед зеркалом, вечно спрашивает: «Дома ли ваш ученый-фармацевт, может чего подскажет? Опять давление поднялось, голова что-то не на месте, не проверит ли?» Рэй обходил соседку кругом и удивлялся, как это голова

может быть «не на месте»? Еще папа был строгий, потому что всегда торопился куда-то, пока мама завязывала ему галстук, на ходу допивал чашку чая, не глядя вниз, обувался и между делом давал наказ сыну на день. Делай то, не делай это! «Родителей надо слушаться, Рэй», – говаривала мама, ласково поглаживая по голове.

«Я только посмотрю, – подумал малыш, но предусмотрительно залез на стул, снял «вита-мин» со стенки, зашел в родительскую спальню и спрятал его на дне платяного шкафа в мамин-ном сапоге. – И вообще, если человечков вернуть потом на место, то никто ничего не заметит».

– Ничегошеньки не делает и ничто не ломает нигилист. Нигилист-пофигист, – Рэй сочинил первый в жизни стих и обрадовался. – Вечером расскажу маме.

* * *

На высоком пластиковом столе малыш увидел недоигранную шахматную партию. Вчера приходил в гости дядя Петря, он играл черными, а папа – белыми. Черный ферзь загнал белого короля в угол, который спрятался за белыми пешками и слоном, стоящим на черной клетке. Ситуация была безнадежной. Два-три хода, и пат белым! Короля мог спасти лишь подземный лаз, по которому тот бы сбежал под покровом ночи. Рэй заглянул под стол: «Никакой потайной дверцы в столешнице и чудо-лестницы нет».

– Фи, какие взрослые скучные! То ли дело – преследовать быстро мчащийся фургон, который везет награбленные сокровища в другой штат! Вождь по имени Анархист скачет впе-реди на лихом коне, – мальчик стал перебирать фигурки, небрежно наваленные в большой картонной коробке.

Сегодня среди фигурок почему-то не было ни одного индейца, тогда Рэй взял фигурку с надписью «Главный идеолог штата» и поставил ее на магнитную доску, крепко прикрепленную винтами к низкому столику на вычурно изогнутых ногах:

– Ты будешь Анархистом!

Затем выбор пал на фигурку полнотелого мужчины, опоясанного патронташем крест-накрест, с крупными чертами лица и толстыми губами навыверт. На торце прочитал: «Бандит».

– А ты будешь Губернатором! – как только он поставил человечка на магнитную доску, тот приосанился, сдвинув папаху набекрень, и усмехнулся.

В результате недолгих размышлений, в городке на магнитной доске кроме Губернатора и Анархиста появились Судья, Ковбой, Бандит с бандой, Шериф, Помощник шерифа, Фермер с рабочими и лошадами и Священник. Оглядев новых горожан, Рэй заменил Помощника шерифа Революционером (звучное слово, «рычит»!) и добавил Лавочницу (кушать человечкам тоже надо). Прежние жители по умолчанию «сидели по домам или на работе». «Теперь можно играть», – мальчик нашел большую зеленую кнопку «Эволюция» и нажал...

* * *

Смешно запрокидывая кривые короткие ножки на каждую ступеньку, Губернатор вска-рабкался на трибуну. Сняв в руках папаху, он постучал пальцами по микрофону и начал «трон-ную» речь:

– Граждане марсиане и марсианки! Я, вновь избранный слуга народа, искренне обраща-юсь к вам не по долгу службы, а по велению сердца! Наш тридцатитысячный городок Меркур, являющийся столицей штата Маринер и ютящийся близ каньона в долине Маринер, жил до сих пор тихой и неприметной жизнью, добывая хлеб насущный в поте лица. Основная масса крепких трудовых резервов городка пытела на разработке карьера в каньоне, добывая алю-миний и бокситы для землян. Доколь это все будет продолжаться? Не можно дольше терпеть эту несправедливость...

На площадь Свободы постепенно стекалась толпа случайных зевак, удивленных прохожих и безработной молодежи. Оратор воодушевленно продолжал:

– Проверенные источники донесли. Гигантская низменность, равнина Хриса, лежащая за семью горами, где-то в субэкваториальной части на западе Марса, богата драгоценными металлами. Кто эти территории разрабатывает? Вы не знаете, и он тоже не знает, – указал пальцем на Анархиста. – А я знаю и скажу. Никто не разрабатывает. В нашем городе появился человек, имеющий что-то важное вам сказать.

Губернатор жестом пригласил Анархиста на трибуну:

– Друзья, старая политическая идея хорошо пожила на этой работе, смею уточнить, – ей давно пора на покой, так сказать, на пенсию. Изменились наши потребности, хочется роскоши для души и свободы слова. Каждый пусть подумает о своих желаниях! Новое время – новые лозунги! Предлагаю слоган: «Анархия – мать порядка»!

* * *

Тут Рэй услышал какой-то шум на улице, выбежал в детскую, выходящую окнами на город, и увидел колонну вездеходов во главе с тяжелым танком «Марс-Кондор». Они шли под черным флагом с нарисованным на нем белым черепом и костями накрест. За вездеходами медленно ползли грозные боевые роботы на колесах, а следом маршировали бездельники мутанты, вылезшие из заброшенных глубинных шахт в каньоне. Они размахивали факелами и обрезками, виляли пушистыми хвостами, что-то кричали. Сквозь толстое тройное стекло окна отчетливых звуков Рэй разобрать не смог. Мутанты обросли густой бело-рыжей шерстью, наели бока и животы, стали похожими на двуногих полярных песцов. Разреженная атмосфера Марса и резко-континентальный климат явно пошли им на пользу. «Воевать собираются, неужели не на пустыре, а прямо в городе? И с кем, интересно?» – нахмурил брови малыш, точь-в-точь как папа, когда тот озабочен сложным вопросом.

Заработали насосы входного шлюза, восьмисекторные двери скрылись в пазах. Вошел бледный и серьезный папа, сжимающий неразлучный кейс левой рукой, за ним не менее суровый дядя Петря с наплечным мешком и домоправительница тетя Марта, по обыкновению обремененная рюкзаком, множеством сумок и еще тележкой на колесиках. Всклоченная шевелюра папы говорила о чем-то из ряда вон выходящем, что уже произошло, но он не решается это озвучить. Наконец, осмелился:

– Катастрофа! В городе беспорядки, пожары. На площади Свободы перед администрацией я сам видел сборище митингующих бездельников, когда вышел из института. Еле-еле унес ноги, петляя кривыми улочками. Мутанты грабят крупные магазины, отбирают у полиции оружие и осаждают банки. Я не понимаю, зачем песчаным жителям деньги? Натуральный обмен до сих пор всех устраивал, они получали от города необходимые продукты и ширпотреб.

– Левыч, а нам что делать прикажешь? – спросил дядя Петря, поддавая хребтом увесистый мешок. – Мы безоружны и беззащитны, голы и сиры, словно церковные мыши.

– Всем в подвал, – скомандовал папа. – Марта, горячий обед не отменяется. Там внизу холодильник, плита, электричество, видеостенка, космический телефон – все есть. Петря, смотри новости, выживай информацию и тенденцию развития ситуации в городе. Оружие я постараюсь раздобыть где-нибудь. Рэй, я поеду за мамой, не бойся, скоро вернусь, – сказал он, глядя на сына. – Помоги лучше дяде Петре разобраться со списком абонентов в телефоне.

– Хорошо, папа, – ответил бодро Рэй. – Обязательно!

Малыш проводил папу до шлюза и на обратном пути с ужасом вспомнил. Городок на магнитной доске эволюционировал без присмотра. Рэй спустился по лестнице, ведущей в убежище. Гость и домоправительница тем временем с комфортом обосновались в подвале. Тетя Марта занялась приготовлением пищи, разложив овощи на разделочной доске, дядя Петря

включил видеостенку и приготовился записывать что-то в блокнот. «Взрослые заняты делом, – заключил сорванец и потер обе ладони. – Хорошо!»

– Я за игрушками, – шепнул он домоправительнице и бегом кинулся в папин кабинет.

* * *

В игрушечном городке царил хаос. Рабочие и безработные вышли на баррикады, оказавшись по разные стороны каменных куч. Горели костры, жадно поедая баннеры с портретами законного губернатора и призывами к демократии. Попеременно сменяя друг друга, на трибуне выступали темные и нервные личности. Крикуны размахивали полосато-звездными флагами и повторяли одно: «Старую власть долой! Даешь полное безвластие!» Откуда они взялись? Понять суть речей Рэй не мог, поэтому решил: жители тихо сходят с ума. В дальних кварталах городка толпы людей объявили себя защитниками законной власти, их предводителем был Революционер. Он говорил хорошие добрые слова, но почему-то ругал Анархиста. Мальчик обиделся на Революционера, схватил этого человечка с доски и сердито бросил в картонную коробку. Люди из революционного отряда, лишившись предводителя, быстро разошлись по домам. Улицы заполнили бандиты, сметая все на своем пути.

– Анархист – вождь индейцев, – твердил малыш. – Надо их найти.

В углу за книжным шкафом мальчик обнаружил старую потрепанную коробку с надписью «Земля». Открыл и обрадовался, целый отряд индейцев притаился около ракеты, стоящей на стартовой площадке. Рэй по одному закинул человечков в пассажирский салон.

– Вы должны помочь своему вождю. На старт! Есть! Полетели на Марс!

* * *

– Рэй, обедать! – громко позвала снизу тетя Марта.

Пришлось бросить игру и спуститься в подвал. На небольшом прямоугольном столе на бумажных салфетках лежали ложки, вилки и в хлебнице – зеленоватый хлеб с хлореллой. Румяная от горячей плиты тетя Марта, закатав рукава выше пухлых локтей, улыбалась и разливала овощной суп с сухариками, каждому в тарелку добавляла кусочек мясного гриба.

– Бон аппетит! Петря, позвони Левычу, скоро они с Сайри придут? Да, и пообедай, пообедай, пока не простыла еда. Я им потом погрею.

– Благодарю, Марта, я действительно проголодался, – дядя Петря отложил блокнот с авторучкой и подсел к столу. – Рэй, ешь, не глазей по сторонам! Пока родители придут, надо сил набраться.

– Ем, ем. Дядя Петря, в городе война идет, да?

Взрослые многозначительно переглянулись и замолчали. Тетя Марта зачем-то заглянула в кастрюлю, затем в духовку: «Ой, пирог чуть не сгорел!» А дядя Петря увлеченно чистил крупную головку чеснока.

– Да кто его знает, что там на самом деле происходит? Официальные власти молчат, но пушки не бьют, и на том спасибо, – четко расставляя слова, словно забивая гвозди и делая между ними продолжительные паузы, сказал дядя Петря. – Родители твои придут, тогда, может быть, и узнаем подробности. Помнишь пословицу, аника-воин: «Когда я ем, я глух и нем»? Лопай!

На улице послышалась далекая канонада, затем звуки от взрывов раздались ближе, с потолка посыпалась штукатурка, мигнули настенные светодиодные панели, приглушив свечение до минимального. В подвале воцарился полумрак. Тетя Марта перекрестилась, зажгла свечу и водрузила ее в центре стола.

– Всем оставаться на местах, – приказал дядя Петря, – я только выгляну в окно и быстро вернусь. Он взял космический телефон и поднялся наверх.

Через десять минут спустился, положил телефон рядом с тарелкой слева, взялся за ложку. Обед продолжался.

– Петря, ты дозвонился? – осторожно спросила тетя Марта.

– Плохо слышно Левыча, посторонние шумы, какой-то треск и рваные фразы. Я ничего не понял, позже перезвоню.

Вдруг тетя Марта схватилась за сердце и указала пальцем на видеостенку. В кадр попали Левыч и Сайри, с перепачканными сажей лицами они стояли около трибуны, держа автоматы наперерез. В форме спецназа, голубом берете и с оружием в руках, сын как-то не сразу узнал нежную и ласковую маму. Он помнил, каждое утро мама ходит на службу, но вовсе не думал, что на военную базу. Бастующие медленно окружали, кидая в них каучуковые шары и держа наготове палки и бутылки с зажигательной смесью. Полицию давно оттеснили за пределы заграждений, и она бездействовала. Рэй видел, как автомат задрожал, это мама не выдержала и начала поливать огнем нападающих. Кто-то упал, по ним тут же неслабо прошлись кованым ботинком свои. Кто-то попятился, налегая на ряды сзади. Кто-то ловко ретировался за спины дружков. Сразу же вокруг родителей образовалось пустое кольцо. Оппозиционеры не расходились, отобрали у стражей порядка щиты и, прикрываясь ими, ждали, когда же у Сайри закончится обойма. Левыч, неизвестно почему, не стрелял.

– Ну же, стреляй! – крикнул дядя Петря так громко, будто его могли услышать там, в городе.

– Может, у него закончились патроны? – предположила тетя Марта.

– Рэй, бегом в гараж, ищи ключи от вездехода, поедем спасать твоих родителей, – отрывисто приказал дядя Петря.

Рэй сорвался с места и кинулся наверх по лестнице к шлюзу, ведущему в гараж, за ним, тяжело дыша, топал дядя Петря, а следом тетя Марта. Сметливая женщина сняла со стены гаража газовый баллон с ацетиленом для сварки, сунула его в салон вездехода и вручила дяде Петре зажигалку.

– Надеюсь, пользоваться умеешь? Даешь малую струю, выравниваешь давление и поджигаешь. Огонь отпугнет всех одуревших повстанцев. Не торгуйся ни с кем, если что не так, целься на поражение! Не сомневайся, серьезную опасность они учуют как звери, шестым чувством. Понял?

– Открой двери гаража, – сказал дядя Петря побелевшими губами. – Прорвемся!

– А мальчика оставь дома!

– Тетя Марта, а если электроника забарахлит, кто поможет? Без меня дядя Петря не справится ни за что, – в сердцах крикнул Рэй.

Дядя Петря извинительно развел руками.

– Храни вас Господь! Да пребудут с вами все святые и Георгий Победоносец, – прошептала тетя Марта, перекрестила мужчин и вездеход. – С богом!

Двигатель прогрелся и рванул с места, дядя Петря добавил газу, и вездеход лихо погромел гусеницами по успевшему вновь замерзнуть к вечеру марсианскому грунту. Хорошо, ветер угомонился, блеклые фиолетово-багровые сумерки распростерлись над городком Меркур. Оставалась слабая надежда на то, что в темноте сложно будет разобрать – это едут свои или чужие. В небе показались две луны – крошечные Фобос и Деймос, к счастью, света они давали совсем мало. Городские кварталы освещались плохо, часть фонарей была разбита, а фары вездехода дядя Петря не включал вовсе. Длинные тени от домов скрадывали редких прохожих.

На перекрестке перед светофором Рэй увидел девочку, она стояла прямо на дороге и, похоже, плакала. Малыш заволновался:

– Дядя Петря, стой! Давай заберем ее, ночь на дворе.

– Ночь, – согласился дядя Петря, он остановил вездеход, вылез и, тревожно вглядываясь в темные переулки, подошел к девочке. Она терла кулачками глаза и размазывала слезы по обветренным щекам.

– Как тебя зовут? Что случилось?

– Вика Смита, я потерялась. Мы гуляли на площади с родителями, к нам подошла мамина знакомая с собачкой. Я стала с ней играть, бросала палку, а собачка приносила обратно. Потом пришли какие-то люди и сказали всем расходиться, я оглянулась. Папы с мамой не увидела, на их месте стояли песчаные люди с палками и огнем. Их лица были злые, они накинулись на собачку и... – всхлипывания перешли в безудержные рыдания. – Мне кажется, они ее, они ее...

– Не продолжай, жалко собачку. Сколько тебе лет?

– Скоро шесть.

– Уже большая девочка. А здесь как оказалась?

– Не знаю, я убежала с площади. Долго бежала, потом поняла, что заблудилась.

– Не плачь, Вика, меня зовут дядя Петря, поищем твоих родителей вместе. Садись-ка на заднее сиденье. Это Рэй, мой племянник, ему тоже шестой год. Ровесники, значит.

Он вновь сел за штурвал, и вездеход свернул налево, в объезд главной улицы, чтобы попасть на главную площадь городка незаметно и подальше от места столкновения оппозиции и защитников закона.

* * *

Пропахшая дымом от всевозможных горючих и вонючих материалов, площадь Свободы освещалась огнями костров и фонарями над крыльцом администрации. На ступеньках сидели, лежали и стояли веселящиеся безработные, скучающие мутанты и до зубов вооруженные бандиты. Бунтовщики жаждали взять реванш у законников за короткую стычку около трибуны, где потеряли немало активистов. «Ушла-таки ведьма, – с досадой подумал Анархист, просчитывая следующие политические шаги и нервно грызя ногти. – Сейчас затишье. Нельзя упустить этот славный момент! Сегодня ночью – рано, а завтрашней ночью будет поздно. Утром! Впрочем, армия не вмешивается, приказа некому отдать. А Генерал Марса труслив, не хочет ответственности».

Краткосрочный консенсус между собой неформалы всех мастей заключили до утра. Следующая цель Анархиста – захват администрации городка Меркур, захват главы штата, объявленного свергнутым, и телецентра для связи с Землей. Ночью в здание не проникнуть. Законная власть хорошо и крепко забаррикадировалась внутри здания, внутренняя охрана работала безупречно.

Раздался неимоверный грохот, содрогнулась земля под ногами. Задрожали стекла ближайших куполов. Вдали со стороны космодрома черное небо прорезали четыре бело-оранжевые струи. Площадь Свободы и ближайшие кварталы осветились, словно ясным летним днем. На гражданский космодром, выстроенный в двадцати километрах от Меркура, приземлился чей-то космический корабль. С крыши администрации взлетел вертолет «Черная акула» и взял курс на запад.

Из корабля вышли четыре отряда по двадцать пять человек каждый, в одежде индейцев, чудом сохранившейся со времен освоения земель на Диком Западе в Америке.

– Мы прибыли для подавления мятежа в Меркуре, – отрапортовал главный индеец и отдал честь генералу Армии Марса.

– Очень надеемся на вашу помощь. Мы подчиняемся законной власти Марса, так легла карта. Однако губернатор бездействует, да его фактически свергли мятежники. Вы же действуете от имени Земли и защищаете ее интересы и своих сограждан на Марсе. Но, позвольте, каким оружием вы собираетесь воевать, я не вижу никакого вооружения у ваших бойцов?

– О, не беспокойтесь, основная войнушка будет быстрой, остальное – дело техники для послов и дипломатов. Наш арсенал сейчас разгрузят.

Грузовой люк открылся, и по пандусу начали съезжать боевые трансформеры и малотоннажные летательные аппараты по форме платяной моли.

– Никакой бомбежки! – взмолился Генерал Марса. – Большинство куполов зданий рухнут в одночасье, и люди останутся без достаточного количества кислорода. Горожане далеко не все могут выходить на улицы и дышать уплотненной, но еще разреженной атмосферой, которая создается героическими усилиями кислородных и азотных заводов. К ней приспособилась молодежь, родившаяся здесь.

– Мы все предусмотрели, господин Генерал Армии Марса, обещаем город очистить от мятежников без разрушений с нашей стороны.

* * *

Сутки городок Меркур терроризировали преступные элементы, безработные и мутанты. Анархисту удалось сколотить мало-мальски подходящую группу деятельных молодых людей, жаждущих изменить старые законы и поставить главным пунктом принцип: «Каждый гражданин Марса волен делать, что хочет». Они рисовали лозунги и листовки, развешивали их в местах скопления народа.

Вездеход Грумсонов всю ночь прятался в укрытии за полуобрушенной стеной супермаркета за трибуной. Поэтому его водителя и пассажиров никто не беспокоил. Дети еще крепко спали, когда Петря рискнул выйти наружу и разведать обстановку. Примкнув к разрозненной толпе оппозиционеров, прислушивался к разговорам, «мотал на ус» информацию.

– Кипяточку бы где взять, а, браток? – спросил он у безработного парня, одетого ничуть не лучше его самого, показывая литровую термкружку.

– В мэрии наливают, туда иди.

– Понял, а что вчерашняя баба с мужиком отстрелялись?

– Не-а, утекли, сволочи. Газ хитрый баба пустила.

– Слезоточивый?

– Если б, а то дерьмоточивый. Народ, кто ближе к трибуне-то был, нюхнул, да так и опростался в штаны мигом, все что переваривалось – все под задом очутилось.

– И что?

– Слышь, ты дурак, что ль? Что-что, побежали по домам отмываться. До сих пор отсиживаются по хатам. Воюй тут замест них!

– А ты?

– Я далече стоял, ветер не донес эту гадость.

– Ну ладно, бывай, пойду за кипятком.

«Хорошо, Левыч и Сайри живы. Может, они уже дома, и мы зря здесь торчим»? – Петря прищурился, надвинул на глаза шапку и открыл двери мэрии. За ночь вестибюль заняли оппозиционеры и распорядились, словно у себя дома. Налив кипятка для отвода глаз, он оценил диспозицию врага и поспешил к вездеходу. Он подоспел вовремя, дети попросились до ветру.

Ближе к вечеру второго дня на улицах среди оппозиции появились странно одетые люди в свободных одеждах из мягкой кожи и такой же кожаной обуви. Они объявили себя марсианскими индейцами и сказали, что испокон веков жили в скальном поселении внутри стен одного каньона на Западе. Узнав о городке Меркур, их народ хотел бы тоже жить здесь.

– Нам нравится ваш призыв. Его мог придумать исключительно умнейший и мудрейший из людей, – сказал главный индеец и учтиво поклонился Анархисту, прижав руку к груди. – Прими нас в свою компанию, почтеннейший, и будь нашим вождем!

Кому из живущих во Вселенной разумных существ слышать лесть и похвалу было бы не сладостной песней? Человек слаб. Тщеславие и претензия на власть затмили все скептические мысли. Главный идеолог штата растаял.

– Ты хороший человек, – ответил Анархист. – Единомышленники и соратники нужны всегда, присоединяйтесь, братья! Как тебя зовут?

– Горячий Ветер, мудрейший, – ответил индеец.

– Зови твой народ, пусть идут сюда, на площадь Свободы!

Горячий Ветер махнул рукой кому-то там позади толпы, и в спускающихся на город сумерках Анархист увидел, как с четырех сторон на площадь стали прибывать вновь обращенные в его веру братья индейцы. Они подняли факелы вверх и прокричали: «Анархия – мать порядка!»

– Ваше слово, вождь, – склонился Горячий Ветер в почтительном поклоне.

– Отныне граждане Марса обязаны чтить анархические принципы и неукоснительно соблюдать свободу слова и желаний! Кто-то спрашивал о порядке? Верно, давайте для начала дружно нейтрализуем старых законников! Приказываю арестовать и посадить в тюрьму Судью, Шерифа, Ученого и Революционера.

– А с Губернатором что делать, он тоже ведь законная власть?

Анархист задумался: «Этот шельма еще тот пройдоха, и карточный долг не отдал. Опять же, конкурентов, рвущихся к власти, лучше от нее отлучить загодя».

– Долой всех губернаторов, никакой государственной власти! Арестовать субчика, как и всех названных! Мы – анархисты!

Индийские отряды принялись старательно исполнять приказ Анархиста. Судью и Шерифа посадили под домашний арест. Губернатора, по совместительству взяточника и бандита, вежливо сопроводили в камеру предварительного заключения. Революционера нашли дома, вручили «важный пакет» и вертолетом отправили к Генералу на военную базу (понимающий в делах революции человек всегда пригодится).

Далее под покровом ночи индейцы действовали быстро и оперативно, тихо изъяли активистов-крикунов и предложили коечку в неврологии. С бандитской шайкой повозились, кто сопротивлялся, в того стреляли тепловыми ружьями, отключая сознание. Сдавшихся повязали, но всех отправили в казематы до суда и следствия.

– Мутантов куда? – спросил шепотом один рядовой у командира отряда.

– А бес его знает, в зоопарк! – вот Ученого найдем, он разберется, можно ли этим примам открытый огонь доверять? Ишь ты, факелов притаранили сколь!

– Горячий Ветер, с Анархистом что делать?

– Не глуп. Пригласим вождем индейцев на Землю. Сделаем из него доку по работе с диверсантами. Будем анархистов забрасывать врагам.

– Дело говоришь!

* * *

Когда приехал Петря с детьми, папа и мама были дома. Увидев Рэя, папа долго искал витамин «Эр».

– Кто запустил «Эволюцию»?

– Я хотел поиграть, – оправдывался малыш.

– Левыч, не шуми на ребенка, ну поиграл-то и всего, – вступились женщины: мама, тетя Марта и девочка Вика.

– Это не игра, – завизжал фальцетом папа, хватаясь обеими руками за голову.

– Как так? – удивился дядя Петря. – А что же оно такое?

– Это Синтезатор Реальности, нашей марсианской. При последнем моделировании я включил его на полную мощность. Когда же снял питание, забыл сбросить настройки. А этот неслух запустил «Эволюцию», и... организовал вооруженный переворот в Меркуре! И вообще, где ты взял это дурацкое слово «анархист»? – он повернулся к Рэю.

Мальчик сбегал за Марсианской азбукой, открыл ее:

– А. А-аа. Ана. Анаграмма. Аннуаки. Анархист. Красивое имя, подходит для вождя индейского племени.

– Ну, конечно же, – обрадовался дядя Петря. – Анархист – вождь индейцев!

Дом содрогнулся, раздался приглушенный грохот. Взрослые и дети кинулись к окнам. Космический корабль стартовал с Марса, увозя на Землю Анархиста, нового вождя индейцев.

Вольный каменщик

«Что в имени тебе моём?..»

Нижний Египет, Мемфис, Пирамида Хуфу

Пламя плясало, извивалось и насмехалось красными глазами и жёлтыми телами горячих бесноватых созданий. Огненные языки, укрощённые в спокойном мерцании настенных факелов, дрожали от малейшего колебания воздуха, отбрасывая нечёткие тени на каменную кладку подземелья. Серо-зеленоватый замшелый камень стен, пропитанный грунтовыми водами, имел запах болотной сырости. Подземный тоннель, которым они шли, соединялся с другими переходами множеством мелких коридоров с потайными нишами и уже зазеленевшими бронзовыми дверями и выводил к главной розовой зале с высокими сводчатыми мраморными потолками. Узорчатую лазоревую плитку пола, стен и колонн украшали дорогие финикийские ковры, пурпурный заморский бархат и шкуры северных животных с длинным жёстким мехом. Кованая фигурная медная решётка прикрывала искусно сложенный камин с зажжённым огнем. Прямоугольный эбеновый стол стоял посередине залы и ломился от яств. Длинные лавки из красного дерева, покрытые шкурами, располагались вокруг стола и вдоль стен. На шкурах и коврах, подвешенных на стенах, красовалось холодное оружие – мечи, сабли, кинжалы, копья и дротики, изготовленные лучшими мастерами всех времен и народов из серебра, железа и различных сплавов. Серебряные и золотые чаши, кубки, блюда и высокие фарфоровые напольные вазы с красными розами дополняли богатое убранство помещения.

Тайная вечеря, спешно собранная жрецами города Мемфиса в центральной торжественной зале пирамиды Хэйе Фэй’у, – что означает Высшего на Небесах или попросту Хуфу, как говорили простые горожане – была в самом разгаре. Резное кресло из красного дерева с высокой фигурной спинкой стояло на верхней ступеньке близ камина. К горящему камину молодые жрецы подвели юношу крепкого телосложения с синей шёлковой повязкой на глазах и усадили в это кресло. Сильные мускулистые руки новенького лежали на подлокотниках, и его крупные кисти с толстыми пальцами крепко сжимали набалдашники, вытесанные в обличье косматых львиных голов. Запястья рук сжимались прочной тисовой веревкой, примотанной к подлокотникам. Из одежды на приведённом была только набедренная повязка и сандалии. Он шумно вдохнул. В помещении было жарко и сыро. Жаркий влажный воздух обволакивал загорелое тело. Струйки пота стекали по блестящей спине между лопаток и достигали поясницы.

Помощник старшего жреца сорвал повязку с глаз пленника.

Приведённый вздрогнул, втянул дымный от факельного огня терпкий воздух и чуть не задохнулся. Откашлявшись, он сощурился, привыкая к освещению и бросая исподлобья в залу огненно-горячие взгляды.

– Как твоё имя? – спросил старший жрец, лицо которого скрывалось в тени, но крупные черты говорившего угадывались.

– Не помню, – хрипло ответил пленник.

Последовал резкий свист, и короткий удар жёсткого хлыста больно ожег лодыжки ног.

– Назови имя своё! – потребовал второй жрец.

– Я давно забыл его! – вскричал парень.

Раскалённое в пламени камина клеймо впилося с внутренней стороны руки ниже локтя. Связанный дёрнулся, но крепкие руки цепко держали пленника. Следом на сидящего беднягу вылилась ледяная вода из серебряного кувшина. Кожа мгновенно посинела и покрылась мелкими пупырышками. Ему поднесли медный рог ко рту. Обжигаясь крепким напитком, он выпил содержимое.

– Твоё имя? – тихо спросил третий жрец.

– Я вольный каменщик, – ответил он гордо.
– Я плохо слышу, повтори громче, – сказал первый жрец.

Тогда парень набрал воздух в лёгкие и громко крикнул:

– Я – Вольный Каменщик!

– Да, теперь ты действительно есть Вольный Каменщик, и ты есть ханнаку. Ханнаку – значит посвящённый. Помни, Вновь Рождённый, теперь об этом всегда, – сказал Верховный Жрец. – Сегодня ты прошёл все испытания – огонь, воду и медные трубы. Но это лишь начало Пути, цель которого теряется где-то там за горизонтом времен. Тебе выпала честь сыграть свою роль в Истории, проходя ещё не раз через огонь, воду и медные трубы жизни. Я верю в тебя, мой мальчик! Это – твоя стезя, и она тебе по плечу. С Днём Рождения! С днём рождения, Вольный Каменщик! – дружно подхватил хор посвящённых братьев. Искренние улыбки осветили лица адептов.

Верховный Жрец повелительно кивнул головой страже, и пленника развязали. Новообращённому вновь поднесли чашу. Верховный Жрец поднял правую ладонь вверх, обращаясь к представительному собранию.

Присутствующие в торжественной зале притихли. Своды пирамиды Хуфу отражали многократным эхом слова духовного поводыря, наполненные глубоким мистическим смыслом.

– Сегодня, братья вольные каменщики, мы радуемся рождению нового члена нашего братства – Вольного Каменщика! Да пополнятся наши ряды, несущие свет, свободу и гармонию в мир! Да разверзнется тьма, и луч Огненного Ра рассеет искры Мудрости в веках! Да пребудут отныне нашими вечными символами свободы духа – Щит, Меч и Красная Роза! Возрадуемся, братья, Свету отныне! Мы, вольные каменщики, и нерушимо наше союзное братство!

– Мы вольные каменщики! – хором подхватили присутствующие братья. – Возрадуемся отныне! – звонкое чоканье серебряных чаш многократно прозвучало под сводами каменного зала на тайной вечере.

Плясало торжественно жёлто-красное пламя факелов. Прыгали от радости игривые тени. Вольного Каменщика облачили в длинную белую атласную вышитую рубаху, широкий синий бархатный пояс и меховой плащ. Старший Жрец подал Верховному Жрецу оружейные доспехи.

Новообращённый встал на одно колено перед главным жрецом.

– Вольный Каменщик! – торжественно произнес жрец. – Отныне и довеку пусть тебе сослужит добрую службу этот знатный набор доспехов – Щит и Меч. Ты можешь, брат, стать славным воином, когда верой и правдой послужишь нашему Ордену Красной Розы. Пусть твоё Слово не расходится с твоим Делом. С первыми лучами Небесного Ра ты отправишься в Путь, указанный тебе Красной Розой.

– Отец, когда мы встретимся вновь? – спросил робко парень.

– Неисповедимы пути Великого Ра на небосклоне, сын мой, а все людские пути неведомы даже астрологам. Всё может быть... – Верховный Жрец учтиво поклонился всем собратям по ордену и покинул торжественную залу в сопровождении личной свиты и взвода стражников.

Братья вольные каменщики из Ордена Красной Розы расселись за столы. Слуги – «хамы» и рабы – «баки» немедля принесли горячее мясо газелей, запечённых фазанов на больших блюдах и янтарное виноградное вино в кувшинах. Вкрадчивые звуки лютни, струящиеся по изящным пальчикам пышногрудых и пышнобёдрых белых жриц Изида, разлились в зале, уходя под мраморные аркадные своды, славящиеся прекрасной акустикой. Нотная грамота Египта, использующая пять нот, была так же волшебна и притягательна, как и душевна. Тайная вечеря братства вольных каменщиков продолжалась до самого утра...

* * *

Россия, Москва, студенческое кафе «Интеграл»

Металлический звон тарелок и барабанная дробь ударных инструментов рассыпались в воздухе и зазвучали первые звуки хард-рока. Ди-джей прибавил децибел и, откинув в упоении голову назад, закрыл глаза. Танцующие парни и девушки покинули пятачок, расселись за столиками. Под тяжёлый рок они танцевать не хотели. Лазерные лучи создавали стробоскопический эффект, выхватывая из зала стоп-кадры реальности. Световые струи ритмично плясали по буйным головам отдыхающей молодежи.

Бритоголовый упитанный скинхэд с серьгой в левом ухе и в новой кожанке потягивал пиво из большой кружки, сосредоточенно жевал «горячих собак», беря каждую следующую из внушительной кучи, которая горкой лежала перед ним на тарелке. Очередную «горячую собачку» парень захватывал двумя толстыми жирными пальцами с тарелки и, не торопясь, отправлял её по назначению, причмокивая, и при этом время от времени задумчиво посматривал в вечерний зал кафетерия.

Пляшущие лучи лазера, отслеживающие ритм «тяжёлого металла», выхватывали из толпы посетителей возбуждённо-разгорячённые лица разношёрстных молодёжных течений: просто мимолетных компаний, «неформалов» и ни к кому не примкнувших одиночек типа «кошек, которые гуляют сами по себе». В студенческом клубе «Интеграл» царила обычная в этот час атмосфера. Оглушающая, непривычная для уха простых обывателей, музыка была лишь фоном для здешних завсегдатаев. Сизый дымок плыл над толпой и разгонялся движениями мощных лопастей потолочных вентиляторов. Стойкий терпкий дух пива, пота, духов и дезодорантов витал над столиками, судя по всему, никому и ничему не мешающий в молодёжном кафе.

К столику, где принимал трапезу полнотелый скинхэд, вихляющей походкой подошли две аппетитные девицы в туфлях на высоких каблуках шпильках и в обтягивающих открытых платьях стрейч. Яркая боевая раскраска на лицах в стиле «девы-вамп» была под стать их вызывающим манерам.

– Угостишь дам пивом, красавчик? – спросила длинноволосая шатенка. Красное струящееся платье нахально облегло её пышную грудь, готовую вырваться из плена ткани.

Скинхэд оторвался от жевания «горячей собаки», скептически оглядел девиц с ног до головы и обратно, поднял брови, пытаясь сообразить, что в таких случаях следует сделать. Просто послать их подальше, чего они и заслуживают на первый критический взгляд, или пообщаться? Он в нерешительности почесал затылок. В принципе, послать их никогда не поздно, решил он. Нашёл взглядом бармена, показал два пальца.

– Садитесь, крошки. Будем знакомиться? Скинхэд перед вами. А вас как зовут?

– Что, просто скинхэд? Ха! «Кожаная голова» в переводе с английского языка!

– «Что в имени тебе моём», как сказал однажды средневековый поэт? Не просто скинхэд, а имя моё пишется с большой буквы. Я Скин Хэд.

– Девушки переглянулись и засмеялись. Юркий официант принёс на цветастом подносе пару бутылок пива, две порции дымящихся «горячих собак» и высокие фирменные стаканы с надписью «Интеграл». Парень кинул официанту на поднос деньги.

– Я Сильвия, – представилась рыженькая с короткой стрижкой «ёжиком».

Её «ёжик» отрос, уложенная, вернее поставленная с применением геля жёсткой фиксации причёска напоминала шторм на море, лишь временами переходящий в штиль. Сильвия сделала паузу, как ей думалось – эффектную и достаточную, чтобы привлечь внимание молодого человека, и кротко посмотрела парню в глаза. Скин Хэд усмехнулся про себя. Он был увалень, но не «тормоз».

– А меня можешь звать Розой. «Что в имени тебе моём?.. Ведь роза пахнет розой, хоть розой назови её, хоть нет», – процитировала она реплику из «Ромео и Джульетты», желая показать, что она по призванию приобщена к миру искусства и кое-что помнит о великом классике Шекспире. – Мы с Сильвией студентки ВГИКа, – сообщила она, рисуясь.

– Надо полагать, это великий Уильям вдохновил будущих актрис на театральный декор времён бродячих музыкантов, сеньора Роза? – прищурился парень, смачно облизывая пальцы. – Роза в красном, любопытно. Хм.

– А я думаю, что даже несколько символично. Не роза в красном антураже, а Красная Роза, господин неформал, Скин Хэд. Не так ли? Красная Роза!

– Красная Роза, – повторил он задумчиво, и в этот миг какие-то расплывчатые ассоциации всколыхнули в его голове глубинные слои генетической памяти.

Красное пламя вспыхнуло перед глазами. Видение горящих дров в камине, блеск чьих-то горящих глаз рядом, горячий шёпот над ухом. Всплыла странная фраза: «Помни имя своё!», и образ красной розы заалел в трепетных пальчиках. Видения, древнее и современное, чудно переплелись и смешались, превратились в неясный розовый туман. Туман пророс в трёхмерную форму и облепил со всех сторон. Сознание, инстинктивно защищаясь от непонятных фантомов, слегка отодвинуло реальность и мгновенно отреагировало, пытаясь заблокировать центры древней памяти. Зал кафетерия поплыл и растворился...

* * *

Пламя плясало, извивалось и насмехалось красными глазами и жёлтыми силуэтами горячих бесноватых созданий. Огненные языки, укрощённые в спокойном мерцании настенных факелов, дрожали от малейшего колебания воздуха, отбрасывая нечёткие тени на каменную кладку подземелья.

Запястья рук сжимались прочной тисовой веревкой, примотанной к подлокотникам кресла. Он шумно вдохнул. В помещении было жарко и сыро. Жаркий влажный воздух обволакивал тело. Струйки пота стекали по обнажённой спине между лопаток и достигали поясницы.

– Как твоё имя? – спросил старший жрец, лицо которого скрывалось в тени.

Раскалённое в пламени камина клеймо неожиданно впилося с внутренней стороны руки ниже локтя. Связанный непроизвольно дёрнулся, но крепкие руки цепко держали пленника.

– Назови имя своё! – требовательно приказал жрец.

– Ничего не знаю! Я не помню своего имени...

* * *

– Эй, чудака, очнись!

Молодой человек пришел в себя оттого, что его лупили по щекам и обрызгивали холодной водой.

– Я не помню своего имени. Братья мои! Возрадуемся отныне! Где я? – пробормотал парень невнятно, выплывая из вневременного состояния между явью и сном, и сосредоточился. Собрал в фокус окружающую обстановку. Удивлённо посмотрел кругом. Он увидел Розу в красном:

– Ты белая жрица Изиды, да?

– Да нет же, дорогой, очнись! Я – Роза в красном!

– Э-э, шутишь? Я вспомнил! О! Я, кажется, всё вспомнил. Я – член братства Вольных Каменщиков из Ордена Красной Розы, – сказал он и вновь отключился.

– Сильвия, мне сдаётся, у нашего друга Скин Хэда «крыша поехала»! Это, наверное, от духоты? Давай-ка, подруга, проводим его домой. Эй, ребята, тачку поймайте нам, – махнула рукой Роза в красном, обращаясь к дежурившим у входа в кафе «Интеграл» охранникам.

Двери кафе распахнулись, и в зал проворно вбежала команда скорой помощи во главе с молодым фельдшером.

* * *

Бармен пожал руку шустрому молодому фельдшеру с фонендоскопом на груди, который только что закрыл чемоданчик с лекарствами.

– Он что, псих? – спросил бармен.

– Да нет, скорее всего, небольшое переутомление. Гипоксия. Авитаминоз. Традиционная ВСД, – небрежно бросил он, пытаясь показать большой опыт специалиста, чем у него есть на самом деле.

– Гипоксия? ВСД?

– Да, гипоксия – это кислородное голодание. Здесь в помещении очень душно, дымно. А ВСД – всего лишь Вегетативная Сосудистая Дистония. Ничего особенного. Болезнь нашего современного общества как закономерный побочный продукт любой технической цивилизации. Увы! Восемьдесят процентов городского населения по статистике уже имеют все признаки ВСД, – доверительно выдал «врачебную тайну» фельдшер, немного помолчав. А следом он с удовольствием «навешал медицинской лапши на уши» обходительному бармену, добавив всю сопутствующую этому диагнозу информацию, которую только смог вспомнить из настольного учебника врача скорой помощи. При этом фельдшер щедро сдабривал свою речь обрывками крылатых выражений на латыни, так сказать, для вящей важности и аргументации.

– А-а, ну, я так и понял, – поддержал его бармен, уважительно кивая головой и продолжая все так же протирать прозрачные стаканы с фирменной надписью «Интеграл». – И что ж теперь ему делать, бедолаге?

– Да ничего особенного, – пожал плечами фельдшер, зевая и прикрывая рот ладонью, – отлежится, отоспится. О-хо-хо! Поест витаминов, зелени, фруктов. Пища у него, по-видимому, не сбалансированная, слишком жирная и калорийная. Судя по габаритам этого пациента, он решительно не бедствует. Хотя внешность обманчива? Так вот, на что денег ему хватит, то и пусть лопают, главное, чтоб с витаминами. Студенты – они народ закалённый! Ерунда, всё пройдет.

* * *

Дверца дежурного ночного такси захлопнулась, увозя Красную Розу и Вновь Рожденного. Сверкала иллюминация осветительных неоновых ламп и зазывных магазинных реклам, весело отражаясь на мокром асфальте. Жёлтое такси направилось к редкому ночному потоку машин, вырывая к желтоглазому мигающему светофору по узенькой московской улочке. Куда? Был ли этот путь продолжением того древнего Пути, цель которого и поныне теряется где-то там за горизонтом времён. Случайная игра генетической памяти? Той памяти предков, которая тихо будила потомка древних адептов учения, иной раз нашёптывая: «Помни имя своё, Вновь Рожденный! ...Возрадуемся отныне!» Как знать?

* * *

Бармен бестолково потоптался на крыльце, тщетно вглядываясь в темноту, и зашёл обратно в помещение кафетерия. Что он хотел узнать?

Пожалуй, он и сам того не знал. Жёлтая с шашечками машина скрылась в ночном городском пейзаже...

* * *

«И был день, и было утро...»

Нижний Египет, Мемфис, дельта Нила

Раннее утро застало новорожденного Вольного Каменщика сыростью и туманом. Он ещё не понял, что произошло, когда открыл глаза. То ли это был звук шагов, то ли остатки уходящего сна. Огляделся по сторонам. Соратники по трапезе славно храпели на своих подстилках и коврах, утопая в алых шёлковых подушках, в обнимку с белыми жрицами Изиды. За окном тихо ржали лошади, приветствуя первые рассветные лучи солнца. Они мотали белыми и рыжими гривами, с наслаждением жуя овёс, щедро насыпанный каким-то рачительным хозяином в деревянное корыто, возле лёгкой колесницы с большими колесами.

– Тс-с! Проснись, брат, тебя призывает Отец, – сказал, наклонившись к нему, бритоголовый помощник Верховного Жреца.

Молодой человек покрутил головой, ибо совершенно не помнил, когда и каким образом он переехал в этот богатый дом из подземелья пирамиды Хэйе Фэй'у. Хотя смутно в мышцах оставалось слабое ощущение тряски повозки по булыжным мостовым ночного Мемфиса. Похмелье отступало, его прогонял ранний рассветный туман. Вчерашнее отошло на задний план, неохотно и с ленцой оно отступило в глубину сознания и там затаилось. Посвящённый поднялся и закутался в плотный войлочный плащ, который заботливо протянул старший брат. Его знобило.

– Пойдём скорее, нам давно пора! – прошептал мужчина и, не оглядываясь, заспешил между торжественных белокаменных колонн на террасу, отделанную полированным красным камнем.

Жёлтый свет едва пробивался сквозь плотную завесу затхлых испарений. Улицы рассветного города купались в полудрёме. Эхо их шагов неумолимо скользило следом, торопясь не отстать от этих ранних пешеходов, невидимо ступая за ними по холодным и безмолвным тротуарным плитам тихих мостовых Мемфиса. Вскоре они подошли к причалу. Тёмно-зелёная вода величественно колыбалась единой, сплошной массивной громадой, и создавалось впечатление, словно это дышат лёгкие неведомого огромного зверя. Волны порою выплёскивались за край морской чаши на каменную пристань, подлизывая длинным мокрым языком наполовину босые ноги людей. Массивная бронзовая цепь поддерживала неприметную лодку у самого крайнего выступа оконечности дельты Нила, изрезанной многочисленными большими и малыми протоками. Молодой человек осмотрелся. Удивительно и странно было думать, что именно здесь Голубой Нил – эта главная торговая нить Верхнего и Нижнего Египта – соединяется с морским простором. Пресные речные воды в страстном объятии-водовороте сливаются с солёными морскими водами, пополняя и без того полную чашу моря.

Около сходней группа посвящённых братьев терпеливо ожидала их прихода. Отец, одетый в белые парадные одежды с золотистой каймой по краю, восседал на кресле, обитом красным финикийским бархатом, и смотрел вдаль. Молодой человек тоже взглянул в том же направлении. В отдалении стоял на якоре красавец корабль. Плавно покачивал массивными

деревянными бортами, словно пританцовывал в нетерпении поскорей пуститься в путь. Деревянные резные драконы на корме оскалили пасти с острыми клыками и показывали всем раздвоенные языки. Моряки верили, что заговорённые драконы способны прогнать прочь гигантских морских чудовищ, которые выплывают из бездонных глубин ночью, чтобы всласть поохотиться на одиночные корабли.

Первые лучи Ра скользнули по корме, по правому борту и радостно озарили крепкий шёлк золотистых парусов. С корабля подали условный сигнал.

– Всё готово, Ваше преподобие, – обратился к отцу помощник, приведший молодого посвященного.

– Подойди ко мне, сын мой, – ласково позвал отец.

Молодой человек подошёл к Верховному Жрецу, преклонил колено и поцеловал руку.

– Благословите, отец, – прошептал он, ещё не осознавая до конца всего происходящего.

Верховный Жрец усмехнулся:

– Молодо-зелено! Благословляю тебя, моё любимое дитя, на дела мирные и на дела ратные, на великий труд и на учёбу во славу Великой Любви и Мира, во славу нашего учения и Ордена Красной Розы!

Он кивнул подручным. Мужчины вручили молодому человеку документы, бумаги и свиток, длиной в двенадцать локтей, перевязанный шёлковой нитью и запечатанный сургучом с выдавленным личным знаком отца. Отец продолжал:

– Сын мой, твоё новое имя в этих документах. Запомни, тебя зовут Миргрэм. Полное имя есть Миргрэм Буон па Арт из Мемфиса. Ты – сын богатых родителей, едешь на Кипр учиться у тамошних учителей ремеслу сборщика налогов. Твоя полная родословная записана здесь, выучи это за время путешествия на корабле. Запомни, мой сын. Никто не должен знать ни твоего настоящего имени, ни твоего истинного происхождения, ни тем более даже догадываться о твоей принадлежности к Ордену Красной Розы. Учись прилежно языку и всем ремёслам, список которых также прилагается в другой бумаге. Влюбляйся, люби, но не теряй головы из-за женщины. Захочешь, женись. Соблюдай наши правила. Первое из них гласит: никогда не посвящай в свои истинные дела и планы жену, как бы ты ей ни доверял.

– Почему же, отец? – воскликнул удивлённо молодой человек.

– Чтобы не подвергать ни её, ни тебя, ни твою семью и ни твоих детей никакой опасности.

В трудную минуту женщина может тебя предать, оправдывая свои поступки другими, более благородными целями.

– И что, все женщины такие?

– Конечно же, не все, но мужчина должен быть мудрее и дальновиднее. Есть только одна единственная в этом мире женщина, которой ты можешь доверять безоглядно во всём.

– Кто эта женщина, отец?

– Ты не догадываешься? Твоя мать, запомни, сынок, на всю твою жизнь. Пиши ей письма как можно чаще, она тебя любит, и смею надеяться, что она действительно того заслуживает. Передавай ей небольшие подарочки и весточки, молись за неё. А теперь скажи мне, как тебя зовут, юный искатель приключений, а?

– Меня зовут, воль... хм. Мое имя есть Миргрэм Буон па Арт из Мемфиса.

– Куда путь держишь?

– Я еду на славный остров Кипр, чтобы выучиться ремеслу сборщика налогов.

– Вино пьешь?

– Хорошее вино в хорошей компании, почему бы и нет?

– Сын мой, вино можно пригубить, но не более, или разводи его водой пятикратно. Свежая голова держит язык на замке и придает ясности в понимании обстановки. Хитри, изворачивайся, но... не забывай при этом быть искренним, отзывчивым и обязательно предельно

доброжелательным к собеседникам. Остальное, впрочем, ты получил в храме. Понял ли ты меня, моё дитя?

– О! Достаточно, мой отец. Могу ли я более заверить в моей преданности и любви к вам?

Ради вас, я могу, я...

Верховный Жрец улыбнулся краем уголка рта.

– Я верю, сынок, твоему сердцу и в твою сыновнюю любовь. Храни тебя Бог Ра и все Небесные Силы! Весточки от меня и от нас ты будешь получать каждый месяц, но в жизни бывают непредсказуемые ситуации. Египет ждут большие перемены, как Верхний Египет, так и Нижний. До тебя могут дойти любые слухи. Не верь им до тех пор, пока не найдёшь тому доказательств. Но и тогда, будь верен нам и нашему делу, продолжай его. Имей мудрость найти и принять верное решение.

– Как же я смогу узнать, что выбранное мною решение верно?

– Пусть сердце подскажет тебе и ведёт тебя. Провидение небесное да хранит тебя, сын мой! Пора, пора, на корабль. Капитан – хороший и добрый человек, но он мирянин и не посвящён в наши дела. Будь с ним предельно вежлив и учтив. Уважай его и команду моряков. С богом! Да осветит Ра твой путь!

Верховный Жрец встал с кресла, подошёл к сыну и с чувством поцеловал его в лоб и щёки. Вольный Каменщик принял от помощника Верховного Жреца заранее приготовленный сундучок со светской одеждой и корзину с едой. Серебряный кинжал и бархатные мешочки с золотом и серебром молодой человек прицепил к широкому кожаному поясу, а затем, минуя сходни, ловко спрыгнул на дно лодки. Поклонился и помахал рукой отцу и всем братьям.

Лодка быстро удалялась в туман к кораблю. Лишь плеск вёсел разгонял тишину. С рассветом туман сгустился у берега плотнее, однако корабль, сверкавший золотом парусов, был ещё различим. На борт корабля «Голубой Нил» поднялся уже не новопосвящённый вольный каменщик, а Миргрэм Буон па Арт, отпрыск богатых торговцев, евреев, которые мечтали выучить сына ремеслу сборщика налогов на далёком Кипре, чтобы по возвращении в столицу Египта Мемфис он смог попасть в дворянское сословие. Кто из родителей не желает лучшего для своих детей?

– Отдать концы! – прозвучал приказ капитана.

Моряки проворно засуетились, привычно выполняя морскую службу. Громада корабля медленно и как бы нехотя развернулась на месте и подставила зюйд-весту обвисшие паруса. Парусный шёлк воспринял рассветную работу с радостью и наполнил шёлковые лёгкие влажным морским воздухом. Это был ветер и дух странствий! Судно тронулось с места и, показав грозную, увенчанную драконьими скульптурами корму берегу, легко устремилось из дельты Нила в открытое море. Пассажиры столпились на корме и истоиво махали, прощаясь, кто носовыми платочками, кто шарфами или просто руками провожающим на берегу людям.

Миргрэм нашёл глазами группу братьев и отца и лишь проводил их глазами. Нечаянно непрошенные слёзы затуманили его взор...

* * *

«Призрачно всё в этом мире бушующем...»²

Россия, Подмосковье

Был день второй, и было утро. Сева проснулся поздно. Солнце ярко светило сквозь белые тюлевые занавеси прямо на старенький диван. Из кухни доносился чарующий аромат свежеваренного кофе. Он понежился с минутку под шерстяным клетчатый одеялом, размышляя о вче-

² Песня «Есть только миг», музыка А. Зацепина, слова Л. Дербенева, 1973 г.

рашнем происшествии в кафе «Интеграл». «Кажется, я разочаровал девушку и уснул гораздо раньше, ещё в такси», – досадливо подумал он.

В комнату вошла Роза, запахнутая в его махровый банный халат и с тюрбаном на голове, наскоро сооружённым из синего полотенца. Она не выглядела разочарованной, наоборот, была весела и что-то напевала. Девушка держала в руках алюминиевый поднос с двумя фарфоровыми чашками дымящегося кофе и хрустальной вазочкой с фруктовым салатом.

– Ну, Скин Хэд Сева, завтрак готов. Как мы себя чувствуем, дорогой? Кушать подано, вставай, лежебока!

Он изумлённо посмотрел на горку фруктового салата, украшенную ломтиком лимона, крупными ветками укропа и петрушки.

– А что, фрукты тоже надо съесть? Причём тут укроп и... трава? Сено – разве это еда? – он уставился на салат с совершенно несчастным видом.

– Это не сено, а петрушка. Обязательно! Так доктор сказал. Он прописал тебе зелень и фрукты. Ты их не любишь?

Сева задумался и скривился. Вздохнул:

– Зелень? Люблю. Правда, до сих пор о зелени я думал только в виде американских баксов. А что, бутербродов там нету совсем? Мне помнится, в холодильнике вроде были сыр и ветчина.

– Всё есть, – улыбнулась Роза, – я загодя приготовила.

Она была такой по-домашнему уютной, с совсем ненакрашенным лицом. Приятно посмотреть! Девушка сегодня нравилась ему гораздо больше. Роза была милой и обаятельной и даже совсем не страшной, как ему показалось вчера в дымном кафе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.